

Е.П. ШУЛЬГИН

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Карагандинская академия имени Баримбека Бейсенова

Е.П. Шульгин

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

МОНОГРАФИЯ

КАРАГАНДА 2022

УДК 351/354: 004 (035.3)
ББК 67.401.213 : 32.973
Ш 95

Публикуется по решению ученого совета Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Рецензенты: директор научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза доктор юридических наук, профессор **Т.А. Ханов**; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Костанайской Академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева доктор юридических наук **И.П. Корякин**.

Шульгин Е.П. Правовые и организационные основы цифровизации правоохранительной деятельности Республики Казахстан: монография. – Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2022. – 120 с.

Современные реалии предполагают повсеместное внедрение инновационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества. Правоохранительная деятельность не стала исключением. Сотрудники полиции ежедневно используют в своей профессиональной деятельности современные организационно-правовые методы, позволяющие им не только оптимизировать процесс расследования преступлений, но и вывести его на совершенно новый уровень.

В настоящее время в Казахстане проводится реформа правоохранительных органов, одной из основных задач которой является усовершенствование стадии досудебного расследования путем ее цифровизации, демократизации всей правовой системы, повышения авторитета правоохранительных органов посредством улучшения качества их работы.

Монография представляет интерес для сотрудников органов, осуществляющих правоприменительную деятельность, а также преподавателей, докторантов, магистрантов и курсантов высших учебных заведений МВД Республики Казахстан.

ISBN 978-601-7264-78-9

УДК 351/354: 004 (035.3)
ББК 67.401.213 : 32.973

© Шульгин Е.П., 2022
© Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
им. Б. Бейсенова, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Теоретические и правовые основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате	8
§ 1. Понятие, сущность и содержание деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате	8
§ 2. Правовое регулирование деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате	29
§ 3. Национальный и зарубежный опыт организации деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате	40
Глава II. Формирование организационно-правового механизма деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате.....	55
§ 1. Совершенствование правового механизма деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате	
§ 2. Организационное обеспечение деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате	69
§ 3. Научно-методическое обеспечение деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате	80
Заключение	91
Список использованных источников	94

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы монографического исследования заключается в том, что теория использования новых технологий предполагает, что при внедрении технологических ресурсов не всегда наблюдается тенденция к укреплению социальных и структурных процессов, в том числе и механизмов государственного управления. Данный теоретический подход делает акцент на социальных и структурных механизмах в институциональных отношениях, часто формирующих использование инноваций. Однако, несмотря на усилия отдельных субъектов правоотношений, предпринимающих попытки внедрить инновационные технологии в стадию досудебного расследования, встречаются отдельные консервативные сотрудники, проявляющие настороженность, а иногда и резко отрицательное отношение к новым веяниям, которые могут противоречить уже установленным социальным практикам и нормам.

В ходе проведения инновационных реформ, которые стали возможными благодаря новым технологиям, мы не должны забывать, что правоохранительные органы являются «консервативным институтом», которому поручено поддерживать верховенство права и защищать конституционные права и свободы граждан. Политика работы правоохранительных органов оказывает глубокое влияние на региональные и международные обязательства и отношения страны. Поскольку процессы в обществе быстро меняются, нам необходимо выработать своеобразный «баланс» между институциональным консерватизмом и технологическими изменениями, вызванными веяниями времени. По своей природе трансформационные преобразования, происходящие сейчас в правоохранительной деятельности Республики Казахстан, направлены на оптимизацию всех ее процессов. Данная оптимизация реализуется посредством внедрения отдельных элементов цифровых технологий направленных в первую очередь на сокращение сроков всех видов производств.

В настоящее время цифровизация в правоохранительной деятельности активно проявляется через реализацию проекта «Электронное уголовное дело», представляющего собой важный шаг в направлении модернизации и оптимизации процессов уголовного судопроизводства. Данный проект направлен на создание единой цифровой платформы, которая обеспечит комплексную автоматизацию всех этапов уголовного дела – от его регистрации до вынесения приговора.

Внедрение электронного уголовного дела предусматривает использование передовых технологий для формирования и хранения материалов дела, электронного документооборота, а также интеграции с другими государственными информационными системами. Основными целями проекта являются повышение оперативности и прозрачности

следственных действий, уменьшение бумажного документооборота, что в свою очередь способствует снижению издержек и риска потери данных.

Использование цифровых инструментов и решений позволяет улучшить контроль и учет материалов дела, обеспечить их сохранность и доступность для всех участников процесса, включая следователей, прокуроров, адвокатов и судей. Внедрение таких технологий способствует повышению качества работы правоохранительных органов, улучшению взаимодействия между различными структурами, а также обеспечению более эффективного соблюдения прав граждан в рамках уголовного судопроизводства.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период 2010–2020 гг. акцентируется необходимость повышения эффективности правоохранительной деятельности, включая упрощение порядка досудебного производства [1]. В государственной программе «Цифровой Казахстан», утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827 от 12 декабря 2017 г., данная проблема не упоминается [2]. Тем не менее, инициатива 4.11 «Цифровизация правоохранительных органов и судов» Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года устанавливает, что уголовные, гражданские и административные дела в Республике Казахстан будут постепенно переводиться в электронный формат [3]. Для выполнения этих предписаний в декабре 2017 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате [4].

Использование информационно-коммуникационных технологий непосредственно в деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан связано с утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 Инструкцией о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (далее – Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате) [5], которой предусматривается создание модуля «Электронное уголовное дело» на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» [6].

Согласно данным статистики в 2020 г. всего по стране в производстве находилось 162 783 уголовных дела, из которых 77 995 в электронном формате, в 2021 г. 157 884, в электронном формате 121 991, за первое полугодие 2022 г. всего 87 070 дел, из которых 77 993 в электронном формате [7].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о востребованности электронного формата досудебного производства в системе МВД Республики Казахстан, который нуждается в дальнейшем правовом регулировании и совершенствовании организации деятельности.

Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате представляет собой алгоритм, который задает строгую последовательность действиям органов,

осуществляющих досудебное расследование в электронном формате. Вместе с тем в Дорожной карте по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 гг. вопросы организационного обеспечения в рамках электронного формата расследования не получили должного освещения.

Доктринальная концепция деятельности правоохранительных органов предполагает, что они должны функционировать максимально эффективно и результативно. Тем не менее, в современных реалиях процесс доказывания становится все более времязатратным, что приводит к увеличению объема работы органов досудебного расследования. Система электронного судопроизводства является важным элементом государственного управления, рассматриваемым в настоящее время как метод организации государственной власти с использованием информационных сетей. Важной составляющей данного подхода является автоматизация уголовно-процессуального законодательства и проведение досудебного расследования в электронном формате.

Развитие цифровых технологий в правоприменительной практике способствует не только ускорению процедур, но и повышению прозрачности и объективности правосудия. Внедрение информационных систем позволяет обеспечить точное и надежное хранение данных, исключить возможность их фальсификации или утраты. Электронные средства коммуникации между различными подразделениями правоохранительных органов и судами способствуют более оперативному обмену информацией, что, в свою очередь, ускоряет процесс рассмотрения дел. Использование современных цифровых решений способствует улучшению контроля над действиями следственных органов, снижению уровня бюрократии и повышению ответственности должностных лиц за соблюдение процессуальных норм. Внедрение электронных технологий в правоохранительную деятельность также открывает новые возможности для аналитической работы, позволяя более эффективно использовать большие объемы данных для выявления тенденций и закономерностей в преступности, что способствует разработке более точных и действенных стратегий ее предотвращения.

В рамках данного монографического исследования цифровизация в правоохранительной деятельности будет представлена через деятельность органов досудебного производства МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате. Именно посредством анализа и оценки работы этих органов можно масштабировать все цифровые преобразования в стране. Органы досудебного производства играют ключевую роль в правоохранительной системе, и их успешное функционирование в электронном формате служит показателем общей эффективности цифровых реформ. Рассматривая деятельность этих органов, исследование сможет выявить основные преимущества и возможные недостатки внедрения цифровых технологий, а также предложить рекомендации для их дальнейшего развития и интеграции в другие сферы государственного управления.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ

§ 1. Понятие, сущность и содержание деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате

В рамках реформирования досудебного расследования Республика Казахстан демонстрирует существенные изменения. Изменения в законодательстве часто являются результатом организационных решений, направленных на оптимизацию правоохранительной деятельности. Одним из ключевых шагов стало включение в УПК РК изменений, принятых в декабре 2017 г., которые позволили проводить расследование уголовных дел в электронном формате. В январе 2018 года на официальном сайте Верховного Суда Республики Казахстан была опубликована информация о первом уголовном деле, завершённом с применением данного нововведения.

Для определения понятия, сущности и содержания деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, необходимо сначала уяснить используемый понятийно-категориальный аппарат. В современном казахстанском законодательстве отсутствует нормативное определение понятия «деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате», и в научной литературе этот вопрос также не получил должного освещения.

Анализируя данные изменения, следует отметить, что переход к электронному формату досудебного расследования является важным шагом в развитии правовой системы Казахстана, способствующим повышению эффективности и прозрачности работы правоохранительных органов. Однако отсутствие четкого нормативного определения и научной интерпретации данного понятия создает определенные сложности в его практическом применении и требует дальнейшего изучения и разработки соответствующих законодательных и методических документов. Так, в 2017 г. законодателем введена новая юридическая категория «формат уголовного судопроизводства», в рамках которой выделяются два основных его вида – бумажный и электронный (ст. 42-1 УПК РК) [8]. При этом сущность понятия «электронный формат» в УПК РК до сих пор не раскрыта, а его содержательная часть формируется на основе совокупности норм, в которых указывается возможность использования в рамках уголовного судопроизводства электронных документов.

В научной среде и среди практикующих специалистов отсутствует единая позиция по данному дискуссионному вопросу. В теории электронный формат досудебного расследования рассматривается как средство оптимизации этой

деятельности, снижения бюрократической нагрузки и устранения рисков необоснованного увеличения сроков расследования и других подобных факторов [9, с. 208–212], [10, с. 264–267]. Например, Ю.Н. Познанский, опираясь на собственный опыт, отмечает, что электронный формат уголовного производства необходим в первую очередь для создания идентичной копии уголовного дела в электронном виде. Это позволяет предоставлять дело руководству, экспертам, прокурорам, судьям при решении вопросов о проведении различных судебных экспертиз, согласования продления сроков расследования, содержания под стражей и т. д., а также при рассмотрении жалоб и в других случаях, когда передача бумажного дела в кратчайшие сроки невозможна или требует значительного времени [11, с. 45].

Согласно мнению М.А. Арыстанбекова, электронный формат представляет собой не только использование компьютера в качестве пишущей машинки для составления протоколов, постановлений и других документов, но и применение различных программных продуктов для оптимизации получения криминалистически значимой информации из следов преступления и дальнейшего сопровождения уголовного дела [12, с. 10]. Электронный формат, таким образом, аккумулирует в себе множество различных электронных форм, которые в конечном итоге формируют единое представление о его сущности.

Органы досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющие производство в электронном формате, также используют такие понятия, как «электронный документ», «электронное уголовное дело», «электронный документооборот» и другие. Следует, однако, оценить степень и характер возможного влияния электронного формата досудебного расследования на традиционные формы, средства и процедуры соответствующей правоохранительной деятельности. В первых диссертационных исследованиях [13, с. 11], [14, с. 14], [15, с. 12] электронный документ в уголовном судопроизводстве рассматривался как обладающий следующими основными качественно отличными характеристиками: средства совершения преступлений в сфере компьютерной информации («компьютерных преступлений»); средства совершения иных преступлений с использованием компьютерной техники; объекты и предметы преступного посягательства при совершении преступлений; информационные «следы», возникающие вследствие подготовки к преступлению и совершения преступных действий. Таким образом, вопрос об электронном формате деятельности по досудебному расследованию ещё не поднимался, хотя процесс повседневной деятельности следователя, безусловно, был компьютеризован.

Согласно УПК РК, электронный документ определяется как документ, в котором информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи (п. 15 ст. 7). Анализ норм УПК РК свидетельствует о том, что понятие «электронный документ» (преимущественно как альтернатива документу на бумажном

носителе) упоминается лишь в отдельных статьях УПК РК, регламентирующих порядок совершения тех или иных действий.

Необходимо подчеркнуть, что данный термин был употреблен уже в УПК РК 1997 г. [16], равно как и закономерно продолжилось его применение в тексте УПК РК 2014 г. Если в УПК 1997 г. (по состоянию изменений и дополнений вплоть до вступления в силу УПК РК 2014 г.) указанное понятие непосредственно упоминалось 7 раз, то в УПК РК 2014 г. – уже 21 раз. Причем в текстах УПК РК 1997 г. термин «электронный документ» использовался исключительно в контексте стадий судебного разбирательства. В УПК РК редакции 2014 г. частота встречаемости понятия «электронный документ» значительно расширилась. В частности, дана дефиниция электронного документа – это «документ, в котором информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи» (п. 15 ст. 7 УПК РК).

Тем не менее следует отметить, что далеко не во всех статьях УПК РК, которые имеют непосредственное отношение к деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих расследование в электронном формате, есть указание на электронную форму документов. Так, одним из наиболее принципиальных вопросов в данном аспекте является вопрос протоколирования результатов деятельности. В частности, в ч. 1 ст. 199 УПК РК указывается, что «протокол может быть написан от руки, изготовлен машинописным либо компьютерным способом. Для обеспечения полноты протокола могут быть применены стенографирование, киносъемка, звуко- и видеозапись или иные научно-технические средства. Стенографическая запись, материалы звуко- и видеозаписи или иные носители информации приобщаются к протоколу и хранятся при деле». Исходя из данного определения, нет оснований говорить о том, что протокол следственного действия может иметь форму электронного документа. Указание на составление протокола посредством компьютерного набора текста не может быть расценено как электронный формат, поскольку предполагает дальнейшее распечатывание на бумажном носителе и заверение подписями участников следственных действий. В целом норма ст. 199 УПК РК оказывается абсолютно индифферентной к введенному электронному формату деятельности по досудебному расследованию.

В научной литературе высказываются предложения для более широкой (развернутой) трактовки понятия «электронный документ». Так, И.Ю. Востриков предлагает свою авторскую дефиницию: «...документ, созданный при помощи электронных аппаратно-технических и программных средств, фиксируемых в цифровом коде в форме идентифицируемого именованного файла (файлов) или записи в файле (файлах) базы данных, доступный для последующей обработки в электронных системах, использования, воспроизведения, отображения и виртуального восприятия, а также для передачи и получения по телекоммуникационным линиям связи» [17, с.377].

Между тем Н.А. Колоколов считает, что и данное определение «электронный документ» представляется необоснованно узким, поскольку к нему можно отнести любую информацию, которая зафиксирована на электронном носителе и может быть идентифицирована [18, с.49].

Таким образом, в науке складывается понимание того, что информационное «поле» деятельности по досудебному расследованию имеет тенденцию к расширению, что неизбежно ставит вопрос о правовом закреплении соответствующего аспекта.

В своем фундаментальном труде П.С. Пастухов раскрывает происхождение рассматриваемого понятия, указывая, что первоначально зачатки электронной формы производства появились в сферах так называемых «административных процедур» [19, с.33]. Это вполне объяснимо, поскольку данные процедуры имеют более простой характер (оформление документов, получение подтверждающих справок и т.д.), поэтому возникновение сбоев в работе соответствующих систем, риск недостоверности или недоступности тех или иных сведений в контексте административных процедур представляется менее значимым, нежели в осуществлении деятельности по досудебному расследованию.

Следует отметить, что понятие «электронное уголовное дело» с точки зрения этимологической трактовки является более узким, нежели термин «электронный формат расследования». В данном случае речь идет исключительно о фиксированном и представленном в заданном формате (обычно формат PDF) наборе документов по уголовному делу в рамках легитимных форм (в частности, в шаблонах, утвержденных Инструкцией Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате). В этом смысле производство досудебного расследования в электронном формате в большей степени соотносится с понятием «электронный документооборот» в правоохранительной деятельности.

Юридическая категория «электронный документооборот» имеет законодательное закрепление. Согласно действующему законодательству Республики Казахстан под электронным документооборотом понимается «обмен электронными документами между государственными органами, физическими и юридическими лицами» [20], [21]. Применительно к деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, электронный документооборот представляет собой оптимизационный механизм обмена информацией, обладающий строгой алгоритмизацией последовательности выполнения действий.

В этой связи разрешение вопросов, связанных с четкой алгоритмизацией деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, было произведено посредством принятия Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. В

данном акте пошагово прописаны основные ступени деятельности в рамках электронного формата досудебного расследования. Таким образом, Республика Казахстан пошла по пути форсирования использования электронного формата досудебного расследования преступлений.

В Российской Федерации, несмотря на активное обсуждение данного вопроса учеными [22, с.39], [23, с.68–79], [24, с.27–38], [25, с.118–124], [26, с.189–191], аналогичные процессы до сих пор не получили законодательного оформления. Однако, как показали последние события, во время изоляции в связи с распространением новой коронавирусной инфекции возникли проблемы в ходе расследований уголовных дел, связанные как с производством отдельных следственных действий, так и с расследованием уголовных дел в целом. По этому поводу О.И. Андреева и О.В. Качалова справедливо отмечают, что «принимаемые в условиях пандемии ограничительные меры поставили на повестку дня вопрос о необходимости скорейшего перехода российского уголовного судопроизводства в электронный формат, поскольку только такой режим позволяет существенным образом минимизировать вынужденные ограничения прав участников уголовного судопроизводства, своевременно обеспечивая защиту их законных интересов и доступ к правосудию» [27, с.12].

Концептуальная основа для соответствующих изменений в России, безусловно, уже создана. Так, базовыми нормативными правовыми документами следует признать Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [28] и Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [29], которые закрепили основания к переходу государственного сектора, в том числе и правоохранительных органов, к использованию в своей деятельности электронных средств обмена информацией.

При этом Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [30] предусматривает целенаправленные поэтапные шаги по расширению использования цифровых технологий с учетом сбалансированного сочетания потребностей граждан («цифрового комфорта»).

Оптимизационным механизмом правоохранительной деятельности России является Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года [31]. Данный правовой акт нацелен на достижение уровня преобладания цифровой среды при осуществлении своих полномочий и ориентирован на предоставление беспрепятственного доступа граждан к информационным системам публичного сектора. Концепция по своему содержанию направлена на оптимизацию деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по средствам применения в своей деятельности высоких информационных технологий, позволяющих в том числе и использование электронных средств обмена информацией.

В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [32], в том числе и для решения задачи ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [33] сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [34]. Она представляет разработанную, с учетом принципов сервисно-ориентированного государства, Дорожную карту по цифровизации отношений в основных секторах государственной и общественной жизни, которые в конечном итоге также должны оказать положительное воздействие на правоохранительную деятельность.

Таким образом, следует признать наличие однородных тенденций и в Российской Федерации и в Республике Казахстан, за исключением того обстоятельства, что вопрос непосредственного внедрения электронного формата в деятельность по досудебному расследованию в Российской Федерации к настоящему времени остается лишь на стадии исследования и разработки. В государствах–участниках СНГ решение данного проблемного вопроса находится на разных стадиях, однако принципиально вектор уже определен: переход к электронному формату расследованию в рамках правоохранительной деятельности получил общее признание.

Электронный формат досудебного расследования полностью вписывается в конструкцию учения об организации расследования преступлений, которое до сих пор дополняется новыми фрагментами в свете происходящих изменений [35, с.52–53]. Деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, по-прежнему выступает как «правовая охрана основных социальных ценностей, установление истины при расследовании совершенных правонарушений, предание виновных лиц суду» [36, с.143].

По результатам проведенного анализа нормативной базы и аргументированности мнений ученых нами сформулировано понятие электронного формата досудебного расследования как механизма придания легального характера электронным носителям (документам органов досудебного расследования), для верификации которых в предшествующем периоде требовалось обязательное дублирование в бумажном формате. Следовательно, процесс законодательного закрепления электронного формата досудебного расследования можно обозначить как легитимизацию уже существующих форм работы с электронными носителями информации, сопровождающуюся строгой алгоритмизацией действий должностных лиц в целях обеспечения необходимого уровня защищенности, строгой системы доступа к соответствующей информации, а также защиты прав и законных интересов участников стадии досудебного расследования.

Таким образом, досудебное расследование в электронном формате – это организационно-правовой способ оптимизации досудебного расследования, не связанный с изменением существующих уголовно-процессуальных форм.

По нашему мнению, с внедрением в практику деятельности органов досудебного расследования электронного формата произошло изменение не структурно-содержательного наполнения деятельности по досудебному расследованию, а преобразование ее отдельных внутренних параметров, преимущественно связанных с использованием имеющихся технических средств и специально созданных информационно-коммуникационных ресурсов (модуль «Электронное уголовное дело»). Вместе с тем соответствующий вид деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, и их должностных лиц, если оценивать его в качестве самостоятельного сегмента деятельности (в условном отрыве от непосредственного осуществления расследования по уголовному делу) также обладает набором специфических сущностных признаков.

1. Специфика деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, заключается в том, что она организуется исключительно на основе нормативно-правовых предписаний. Иными словами, деятельность органов досудебного расследования, как и вся правоохранительная сфера, отличается четкой подверженностью правовой регламентации [37, с.82]. Все остальные элементы данной деятельности (планирование, координация действий, контроль и др.) формируются уже в рамках тех необходимых условий, обстоятельств, последовательности действий и т.д., которые закреплены в нормативных правовых актах. Должностное лицо органа досудебного расследования соразмеряет свою работу исключительно с действующими нормативными правовыми актами, что полностью исключает возможность критической, избирательной оценки соответствующих предписаний на стадии реализации деятельности по досудебному расследованию.

Электронный формат досудебного расследования, несмотря на наличие необходимого «правового поля» в законодательстве Республики Казахстан, выделился в самостоятельный сегмент деятельности органов досудебного расследования только после его общественного признания. В свою очередь, легитимизация стала возможной путем осуществления обеспечительных мероприятий, направленных на создание, апробацию и внедрение необходимых технических средств и систем, без функционирования которых деятельность органов досудебного расследования была бы затруднена. Как совершенно справедливо указала Л.А. Воскобитова, «цифровые технологии явочным порядком проникают в уголовное судопроизводство и постепенно получают законодательное оформление» [38, с.93].

Соответственно, одним из критериев, характеризующих сущность деятельности по досудебному расследованию в электронном формате, есть обособленная группа нормативно-правовых предписаний, регламентирующих

порядок осуществления непосредственного производства по уголовному делу в электронном формате. Данный комплекс норм можно признать самостоятельным правовым институтом, который к настоящему времени находится в стадии интенсивного развития и поиска оптимальных организационных форм практической реализации.

Правовые предписания, регулирующие деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, в полной мере соответствуют концепции исследователей о многоаспектном, многоуровневом и межотраслевом характере современной организации расследования преступлений [39, 54 с.], [40, 352 с.].

2. Современное досудебное расследование в электронном формате основывается на письменном документообороте, представляющем собой технически обеспечительный элемент по фиксации основной деятельности органов досудебного расследования, связанной с непосредственным расследованием уголовных правонарушений. Сфера документооборота в рамках обособленного уголовного дела, равно как и в контексте обмена документацией с иными участниками уголовного процесса, долгое время оставалась без внимания исследователей, вплоть до актуализации вопроса о необходимости внедрения цифровых технологий в область досудебного производства. Относительно рассматриваемого вопроса О.А. Зайцев и П.С. Пастухов утверждают, что «содержание следственной модели связано с тем, что современное досудебное производство основывается на письменном документообороте» [41, с.755]. Мы придерживаемся мнения, что внедрение электронного формата досудебного расследования кардинально не меняет соответствующую «модель» деятельности органов досудебного расследования, она по-прежнему остается письменной, то есть фиксируемой в документальном оформлении.

3. Постоянство аксиологических основ деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, и их должностных лиц. Так, в соответствии с Инструкцией по организации деятельности подразделений следствия, дознания и военно-следственных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан [42], утвержденной приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 16 марта 2015 г. № 220, «на следователя возлагается производство неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов уголовного правонарушения с одновременным принятием мер к регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований, в том числе с использованием средств связи, принятие уголовного дела к своему производству, подготовка согласованного плана следственных действий с установлением конкретных сроков выполнения неотложных оперативно-розыскных мероприятий, поручений, указаний, и принятие законного процессуального решения» (п. 48).

Исходя из приведенной нормы Инструкции можно предположить, что деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих

производство в электронном формате, не является новым видом профессиональной деятельности, реализуемой в рамках правоохранительной системы. Электронный формат досудебного расследования, будучи частью внедряемых информационных технологий, выступает оптимизационным механизмом соответствующей правоохранительной деятельности.

Рассуждая о постепенном проникновении цифровых технологий в деятельность по расследованию преступлений, Д.А. Гришин заключает: «Подобные явления носят по сути количественный, а не качественный характер, а используемые для нужд уголовного судопроизводства информационные технологии лишь претерпевают некоторые видоизменения, учитывающие специфику соответствующей процессуальной деятельности» [43, с.208]. Здесь, действительно, следует отметить, что, во-первых, деятельность органов досудебного расследования остается стабильной, осуществляемой в установленных законом процессуальных формах; во-вторых, технический аспект деятельности в электронном формате не имеет концептуальных отличий от иных видов (систем) электронного документооборота, поскольку предполагает использование достижений научно-технического прогресса, их адаптацию к потребностям деятельности по досудебному расследованию.

4. В отличие от производства в бумажном формате, деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, зависит от качества и режима функционирования соответствующих информационно-коммуникационных систем.

В этом смысле следует отметить, что деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, имеет интенсивный уровень зависимости от внешних факторов, которая выражается в двух факторах: во-первых, деятельность непосредственно зависит от последовательности и содержательного компонента собственно процессуальных действий; во-вторых, возможность ее осуществления происходит от бесперебойного функционирования необходимых информационно-коммуникационных ресурсов и технических средств.

5. Любая деятельность не может рассматриваться в отрыве от субъекта ее осуществления. В теории и в практической деятельности нет расхождения мнений по поводу определения основного субъекта в стадии электронного досудебного расследования – это следователь. В рамках деятельности по досудебному расследованию в электронном формате необходимо отметить, что следователь как должностное лицо органов досудебного расследования выступает ключевой фигурой – центральным и исключительным субъектом деятельности. Характеризуя роль следователя, Е.И. Тишковец отмечает, что «данная процессуальная фигура возникла вследствие необходимости выделения субъектов, которые в уголовно-процессуальном режиме изобличают лиц, совершивших преступление. Именно для решения этой задачи сложился и на протяжении нескольких столетий существует институт следователей, независимо от их ведомственной принадлежности» [44, с.162].

В науке разработано множество исследований, касающихся фигуры следователя как особого должностного лица. В частности, сохраняют актуальность труды, посвященные процессуальной самостоятельности следователя [45, с.19–22], а равно исследующие способы ее оптимизации [46, с.242–245], [47, с.401–406], [48, с.78–83], указывающие на недопустимость вмешательства в процессуальную деятельность следователя [49, с.908–922], а также аргументирующие необходимость решения вопроса в пользу полной самостоятельности следователя [50, с.226–232]. В русле осуществления деятельности по досудебному расследованию в электронном формате все вопросы, входящие в общий объем исследований статуса и выполнения следователем своих должностных обязанностей, сохраняют свое значение.

При этом в содержании электронного формата деятельности возникает другой элемент, который в традиционном (бумажном) формате практически не выделялся в исследованиях. Это касается такого важного аспекта, как невозможность делегирования технической составляющей деятельности другим лицам (т.е. в контексте электронного формата – выполнению определенного алгоритма действий в модуле «Электронное уголовное дело»). Причем в отношении непосредственной деятельности по расследованию делегирование полномочий допустимо, хотя исследователи практически единодушны во мнении, что делегирование не может быть связано с принятием процессуальных решений [51, с.178], [52, с.87], [53, с.26].

Если обратиться к структурно-содержательным компонентам деятельности следователя как основного субъекта–«исполнителя» электронного формата досудебного расследования, то следует отметить, что в эту сферу включаются самые разнообразные по своему качественному значению структурные элементы. Мы полностью разделяем точку зрения М.С. Кагана, который выделял в структуре деятельности следователя по расследованию преступлений различные аспекты – познавательный, творческий (продуктивный), коммуникативный. При этом автор указывал, что активность субъекта данной деятельности направлена на определенный объект для того, чтобы получить необходимые знания об этом объекте [54, с.120–121]. Позиция ученого полностью находит свое отражение в деятельности должностного лица, осуществляющего досудебное производство в электронном формате, так как обозначенная правоохранительная деятельность аккумулирует в себе познавательный, творческий и коммуникативный аспекты, необходимые для формирования эффективного организационно-правового механизма деятельности органов досудебного расследования.

В фундаментальном исследовании И.П. Можяевой обосновывается концепция, что управленческий аспект организации расследования преступлений обусловлен познанием закономерностей, характеризующих деятельность руководителей как правоохранительных органов, так и органов расследования преступлений по упорядочению деятельности подчиненных органов или их должностных лиц (закономерности упорядочения непосредственно процесса расследования преступлений, деятельности,

сопутствующей указанному процессу и обеспечивающей его, а также упорядочения иной деятельности) [55, с.52–53]. Также Н.В. Бугель выделяет в процессе принятия управленческих решений познавательно-программирующие функции [56, с.10].

По мнению М.О. Медведевой, организация деятельности, как и сама деятельность по производству расследования, носит познавательно-информационный характер и включает два компонента, содержание которых заключается, с одной стороны, в поиске и сборе доказательственной информации, а с другой – в последующей систематизации и анализе [57, с.91]. Фактически в повседневной работе следователя по досудебному расследованию сочетаются все обозначенные процитированными авторами аспекты.

В теории права творческая, преобразовательная, исследовательская деятельность преимущественно трактуется в двух самостоятельных аспектах: она либо имеет характер преобразования действительности, направленного на выявление новых явлений, связей, взаимодействий; либо связана с «репродукцией тех или иных закономерностей, применением их в контексте конкретной ситуации, применительно к соответствующему объекту воздействия» [58, с.41]. Если применить соответствующую трактовку к деятельности по досудебному расследованию, то она в большей степени обусловлена прикладным аспектом использования тех или иных объективных закономерностей. Безусловно, весьма значительна и роль коммуникации в работе по расследованию преступлений. Характер данных коммуникаций различный: это и необходимые контакты с лицами-носителями информации о совершенном преступлении, это и служебные взаимодействия (руководитель следственного подразделения, прокурор, эксперт и др.).

Перечисленные структурные элементы деятельности следователя по досудебному расследованию нуждаются еще в одном, весьма значимом аспекте – в фактографически-фиксирующем характере деятельности субъектов, сопровождающих весь процесс досудебного расследования. Все элементы электронного средства обмена информацией и делопроизводства включаются в систему критериев, определяющих научные основы организации деятельности правоохранительных органов [59, с.39], [60, с.60], [61, с.120], [62, с.48].

При внедрении и использовании электронного формата досудебного расследования немаловажное значение имеет и психологический аспект, заключающийся в особенностях восприятия субъектом деятельности электронного и бумажного носителя информации. Здесь следует учитывать неизбежные функции интеллектуальной и поведенческой рефлексии у сотрудников правоохранительных органов, когда на протяжении длительного времени они работали исключительно с документами в бумажном формате. Так, еще на первых шагах появления электронных документов утрата бумажной формы, как считают исследователи, делает источники информации абсолютно идентичными и практически равнозначными с точки зрения

значения «авторитетности» текста. В современных научных разработках обращается внимание на целый ряд особенностей восприятия электронного документа: повышенная скорость прочтения, снижающая качество оценки информации; большой текст не воспринимается с одинаковой внимательностью в течение более или менее продолжительного времени; предпозиционная установка на сниженную степень уникальности документа и некоторые другие [63, с.89–90].

Долгое время единственно легитимной, значимой формой документов в деятельности по досудебному расследованию был бумажный формат, без которого электронная копия текста не имела никакого значения. Так, М.О. Медведева приводит данные социологического опроса относительно перспективности введения электронных средств обмена информацией в деятельность следователей. Если среди лиц 20–30 лет положительно ответили 100 % респондентов, то в возрастной группе 30–50 лет положительные ответы составили только 70 % [57]. Причин для психологического «отторжения» достаточно, а для отдельного лица они могут быть гораздо более существенными, нежели вопросы оптимизации стадии досудебного расследования. Преимущественно это связано с «электронной средой» [64, с.10], в которой в итоге будут собраны материалы уголовного дела (даже при условии ограниченности контингента лиц, имеющих к ним доступ). Безусловно, электронная среда существенным образом отличается от аналоговой бумажной. В отличие от несанкционированного копирования бумажного документа, которое предполагает целенаправленные волевые усилия человека, тиражирование электронного документа может случиться и без соответствующего волеизъявления, исключительно при нарушении правил электронного производства. Оценивая риски внедрения досудебного расследования в электронном формате, большинство исследователей выражают вполне обоснованную обеспокоенность именно относительно системы защиты данных уголовного дела. Так, в частности, возможны различные утечки информации из материалов уголовных дел, в связи с чем уже сейчас необходимо продумать систему предотвращения потери данных из электронной формы уголовного дела [65].

Анализ позиции законодателя и научных разработок ученых позволил нам прийти к категорическому выводу: несмотря на то, что досудебное расследование в электронном формате относится исключительно к технической составляющей работы должностных лиц, оно неразрывно связано с непосредственно процессуальной сферой деятельности и имеет единого субъекта. В отличие от многих других видов деятельности, где технические элементы (функции) могут быть переданы другим субъектам в форме своеобразного аутсорсинга, должностное лицо органа досудебного расследования является единственным надлежащим субъектом соответствующей деятельности.

6. Важнейший компонент деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, и их

должностных лиц связан с аспектом внешнего упорядочивания и стандартизации. По мнению О.А. Пахомова, «применение стандартов при соответствующем контроле способствует не только улучшению, максимальному приближению к образцу, в нашем случае вида процессуальной деятельности, но и делает этот вид деятельности более понятным и прозрачным» [66, с.177]. При этом речь не идет об автоматизации деятельности субъекта, передаче соответствующих функций по досудебному расследованию в сферу так называемого «искусственного интеллекта», а исключительно об ее максимальной унификации в рамках разработанных шаблонов при сохранении значимости всех когнитивных функций должностного лица органа досудебного расследования. Иными словами, при заполнении соответствующих шаблонов в модуле «Электронное уголовное дело» за должностным лицом органа досудебного расследования в полной мере сохраняется возможность самостоятельного отражения (описания, фиксации) всех обстоятельств, связанных с осуществляемым расследованием по уголовному делу.

7. Деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, выступает в качестве своеобразного реципиента достижений технологической составляющей развития общества. Причем характерно некоторое отставание в плане внедрения тех или иных технологий, поскольку целесообразность их использования в данной сфере должна быть подтверждена успешной апробацией и соответствующими параметрами технических характеристик. Так, непосредственно в ч. 2 ст. 126 УПК РК указывается на допустимость использования тех или иных научно-технических средств: они должны быть предусмотрены законом и не противоречить нормативным правовым актам, быть научно состоятельными, обеспечивать эффективность производства по уголовному делу.

Деятельность по досудебному расследованию в плане использования технических средств предполагает два основных направления: 1) применение предметов и средств общего характера, которые с точки зрения их качественно-технических характеристик способны надлежащим образом ее «обслуживать» (например, аудио- и видеозаписывающие устройства, сканеры, принтеры и другие технические средства, имеющие и иные сферы применения); 2) предметы и средства, которые в специфическом порядке обслуживают именно деятельность по досудебному расследованию и не имеют других областей применения (средства фиксации следов, различные реагенты и т. д.) [67, с.94].

Формализация и закрепление перечня (совокупности) технических средств, которые могут быть использованы в данной деятельности, по мысли исследователей, трудновыполнимо и нецелесообразно, в силу чего достаточно отталкиваться от принципа допустимости [68, с.79], [69, с.62]. Что касается электронного формата в деятельности по досудебному расследованию, то и здесь законность, научность и этичность соответствующих средств не могут быть подвергнуты сомнению. Средства, необходимые для применения

электронного формата досудебного расследования, общедоступны, равно как и процесс их применения находится в сфере «среднего» уровня компьютерной грамотности.

Анализ позиции законодателя и изучение мнений ученых позволил нам прийти к умозаключению, что рецепция электронно-цифровых технологий в деятельность по досудебному расследованию – это не есть непосредственно сам электронный формат досудебного расследования в том значении, в котором он закреплен в законодательстве. Рецепция электронно-цифровых технологий произошла гораздо раньше, когда органы, осуществляющие досудебное расследование, начали применять электронно-цифровые технологии. Первоначально необходимость исследования с точки зрения правовой регламентации возникла в отношении использования электронных (цифровых) средств в деятельности по досудебному расследованию. По мнению К.Б. Калиновского и Т.Ю. Маркеловой, постепенно информационные технологии стали предметом исследования не только по соответствующим видам уголовных дел (так называемых киберпреступлений), но и «традиционных» составов, поскольку заметно возрастает количество электронных следов преступлений [70, с.18]. Численность диссертационных и монографических исследований по вопросам работы с «электронными доказательствами», информационным обеспечением деятельности и техническим оснащением ежегодно только возрастает, и к настоящему времени насчитывается десятками работ. Первые исследования были обусловлены необходимостью поиска оптимальных способов работы с электронными доказательствами [71], [72], [73], [74], [75], [76]. Обширный теоретический блок был посвящен предметному исследованию электронных доказательств [77]. Можно также выделить авторские работы, отражающие процесс внедрения и использования информационных технологий в деятельности органов досудебного расследования преступлений [78], [79], [80], [81], [82].

Проведенный анализ нормативной базы и научных изысканий ученых позволил сформулировать дефиницию рассматриваемой правоохранительной деятельности. Деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате – это урегулированная нормативными правовыми актами, упорядоченная деятельность специально уполномоченных субъектов, ведущих современное досудебное расследование, основывающаяся на письменном документообороте, напрямую зависящая от качества функционирования соответствующих информационно-коммуникационных систем (Единый реестр досудебных расследований, модуль «Электронное уголовное дело» и реализуемая посредством обеспечения порядка создания, изменения, обработки, хранения материалов досудебного производства в электронном формате.

Изучение эмпирической базы позволило нам сделать вывод, что деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих

производство в электронном формате, не может быть представлена без четко выраженной структуры. Таким образом, определенная статичность оправдавших свою эффективность форм и методов чаще всего обоснована. Безусловно, достижение основных показателей качественного расследования преступлений возможно и при традиционной (бумажной) форме. В части большинства показателей качества досудебного расследования констатируется весьма слабая зависимость от изменения внешних форм, не затрагивающих непосредственно содержательную часть расследования. Вместе с тем отдельные весьма значимые индикаторы расцениваются как напрямую находящиеся в зависимости от оптимизации системы электронных средств обмена информации в правоохранительной деятельности. Так, в частности, согласно ст. 192 УПК РК «досудебное расследование должно быть закончено в разумный срок с учетом сложности уголовного дела, объема следственных действий и достаточности исследования обстоятельств дела...».

Как подчеркивают казахстанские ученые, деятельность по досудебному расследованию в русле научно-технического прогресса специализируется, усложняется, поэтому объективно возникает необходимость в дифференцированных подходах к ее организации [83, с.65].

Кроме того, необходимо учитывать, что и электронный формат следует расценивать как новую юридическую категорию, однако несколько другого, преимущественно организационно-технического уровня. Во-первых, важно признание, что внедрение электронного формата будет иметь только одно направление из двух описанных выше и отказ от него уже не представляется возможным. Электронный формат может подвергаться изменениям только с появлением новых технологических возможностей. Во-вторых, сам электронный формат, безусловно, будет находиться в динамическом процессе за счет расширения сферы информационно-коммуникационных взаимодействий.

Следует особо отметить, что проблемные аспекты организации взаимодействия ОВД с другими органами государственной власти, в том числе и информационно-коммуникационное сотрудничество, всегда находились в центре внимания как ученых, так и практиков [84], [85], [86], [87], [88], [89]. В этой связи справедлива точка зрения Р.Р. Алиуллова и В.Ф. Саетгараева, что взаимодействие представляет собой последовательный и продолжительный механизм, направленный на проведение совместных мероприятий [90, с.20].

Скорость современных социальных процессов приводит к тому, что должностные лица правоохранительных органов как субъекты специфического вида профессиональной деятельности испытывают на себе эффект «информационной зависимости». Нередко имеет место «вынужденный» характер использования электронно-цифровых технологий (собственно, как и в рамках внедренного формата). Полагаем, что скорость восприятия и внедрения информационно-цифровых технологий во многом

будет зависеть от того, насколько данный процесс окажет положительное значение в той или иной конкурентной среде.

Так, наибольшая скорость цифровизации процессов закономерно существует в различных сферах экономики, то есть в тех сегментах, где данный фактор имеет значительное влияние на конкурентоспособность [91, с.287–289]. В деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, вполне четко установлена монополия ее государственно-властного (публичного) характера. Здесь информационная зависимость возникла в первую очередь по причине возрастания количества электронных (цифровых) носителей, объема выполняемой с их использованием работы. В качестве одних из первых исследований, связанных с тенденцией цифровизации, были вопросы оценки электронных документов как источников получения информации о преступлении.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что переход к электронному формату досудебного расследования – это фактически легитимизация (придание официальной формы) той части деятельности, которая в определенной виде существовала и до актуализации данного вопроса. Легитимизация сопровождается определенными условиями организационно-правового характера: специфика программного обеспечения, санкционирования доступа, обеспечение системы сохранности и конфиденциальности информации и др.

Именно организационно-правовой аспект приобретает решающее значение, поскольку те или иные дефекты его регламентации способны привести к таким последствиям, которые в контексте бумажного формата ведения уголовного дела имели гораздо меньшее количество рисков.

Оценка информации, содержащейся в электронном документе, и сам носитель этой информации могут иметь самостоятельное значение. Данное свойство специально подчеркивается исследователями в качестве одной из наиболее принципиальных ошибок лиц, осуществляющих досудебное расследование [92, с.10].

Это обстоятельство аналогично и в оценке документа на бумажном носителе, когда могут быть оценены как его физические свойства (цвет, степень повреждения, срок изготовления, возможность внесения поправок и т.д.), так и содержащаяся в нем информация. Думается, что и в отношении электронного уголовного дела требуется аналогичная ремарка, поскольку непосредственно он сам не меняет (не должен менять) методологию досудебного расследования.

Произошедшая к настоящему времени легитимизация электронного формата ведения производства в рамках деятельности по досудебному расследованию в Республике Казахстан имеет смешанный характер, поскольку не только в значительном массиве документов сохранен бумажный формат, но и предусмотрены случаи перехода с одного формата на другой. Например, при соединении уголовных дел, при оформлении материалов для передачи в

иностранное государство, при отсутствии технической возможности продолжить деятельность в электронном формате.

Важнейшим аспектом при переходе к электронному формату деятельности по досудебному расследованию является вопрос сохранности и архивирования соответствующей документации. Так, в частности, А.Ф. Абдулвалиев полагает, что электронная форма уголовного дела может ограничиться всего лишь одним цифровым, но прочным носителем, в котором будут содержаться все материалы по делу либо по нескольким делам [93, с.16]. Иными словами, внедрение электронной формы расследования в уголовное судопроизводство не означает его «виртуализацию», поскольку предполагается необходимость сосуществования определенного носителя (той или иной его точно определенной формы, альтернативной по степени защищенности бумажному носителю). В данном случае также возникают конкретные вопросы в отношении электронных носителей информации, поскольку темпы развития информационной среды весьма высоки (достаточно вспомнить дискеты, в отношении которых на многих современных компьютерах отсутствуют принимающие устройства).

Деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, должна быть нацелена на оптимизацию всего процесса. Так, О.В. Качалова справедливо отмечает, что одним из важнейших направлений оптимизации уголовного судопроизводства является его информатизация посредством введения электронного формата расследования преступлений и внедрения СМС-оповещения участников уголовного дела [94, с.96].

По этому вопросу М.С. Сергеев предлагает собственные варианты внедрения отдельных элементов электронного уголовного дела в деятельность по расследованию преступлений, отмечая следующие прогнозируемые положительные аспекты: 1) реализация принципа открытости и гласности уголовного судопроизводства; 2) обеспечение соблюдения процессуальных сроков; 3) повышение открытости процесса расследования благодаря контролю надзорных органов и иных участников; 4) снижение канцелярских расходов, рисков по утрате материалов уголовного дела и т. д. [82]

Кроме указанных факторов авторами приводятся и другие: снижение коррупционных рисков, повышение уровня доверия граждан к правоохранительной системе за счет повышения степени гарантированности прав и свобод и некоторые другие. Подчеркивается, что подача заявления о совершенном преступлении с использованием электронной цифровой подписи имеет первоочередное значение в том аспекте, что заявление сокращает временной интервал между совершением преступления и обращением в правоохранительные органы [95, с.125]. Таким образом, обоснование необходимости осуществления досудебного расследования в электронном формате выдвигает неоспоримые аргументы: это позволит оптимизировать работу, повысить качество работы и дисциплинированность сотрудников [96, с.87].

Внедрение информационных технологий в деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, имеет определенный ряд особенностей. Так, в частности, возможность использования в ходе расследования передовых технологий (включая 3D-принтеры, искусственный интеллект и др.). При этом, когда затрагиваются вопросы цифровизации самой деятельности, то, как правило, оговаривается, что существуют значительные препятствия не столько правового, сколько организационного характера. С точки зрения специфики деятельности, связанной с досудебным расследованием преступлений, несколько утопичными представляются мнения о том, что в скором времени работа следователя в данном направлении может быть в значительном объеме заменена технологиями, в частности роботами [97, с.140]. «Поскольку «информационные преступления» оставляют информационные следы, – пишет С.В. Власова, – расследовать данные преступления может только специалист по информационным технологиям. Вместо следователя, сыщика в традиционном смысле субъектом расследования может быть программист, специалист по информационной безопасности (профессиональный «анти-хакер»), а также «робот» (компьютер)» [98, с.15].

Представляется, что чрезмерное увлечение возможностями информационных технологий нередко приводит к недостаточно обоснованным с точки зрения целесообразности выводам. Так, в частности, П.С. Пастухов полагает, что протоколы следственных действий следует вообще перевести в формат видеодокументов, в которых будет полная запись проводимого следственного действия [99, с.22]. Однако многочасовые записи, требующие, возможно, неоднократного просмотра, вряд ли помогут оптимизировать процесс судопроизводства. В данном случае мы солидарны с точкой зрения С.В. Зуева, который указывает на недопустимость абсолютизации возможностей информационных технологий в деятельности по расследованию преступлений: «...технические средства выполняют факультативную роль» [100, с.120].

Важно отметить, что к настоящему времени уже имеются отдельные исследования, в которых обосновываются наиболее оптимальные модели деятельности по досудебному расследованию в электронном формате. К таковым, в частности, можно отнести идею О.В. Качаловой и Ю.А. Цветкова о работе в рамках «информационного портала» [101, с.98]. Основные принципы работы системы, предложенной ведущими учеными, можно свести к следующим аспектам:

- 1) создается главная страница уголовного дела;
- 2) формируется адресный рубрикатор для различных участников процесса (предполагается, что определенные части уголовного дела могут быть доступны к просмотру не всеми участниками);

3) помимо материалов уголовного дела в данном информационном портале должны содержаться материалы, подлежащие приобщению к уголовному делу.

Вышеуказанные обоснования достаточно убедительны, а сама модель функциональна. Однако в данном случае имеет место не столько электронный формат деятельности по досудебному расследованию, сколько перевод бумажного формата в электронный для возможности ознакомления участниками процесса (т.е. фактически прикрепление отсканированных документов). Подобными технологиями уже начинают пользоваться в России и без официального введения электронного формата досудебного расследования, в частности, в виде паспортов уголовных дел [102, с.166]. Предлагая апробацию технологии блокчейна в деятельности по досудебному расследованию, Л.В. Бертовский справедливо указывает, что в настоящее время сотрудники правоохранительных органов не обладают достаточными профессиональными навыками по использованию соответствующих технологий [103, с.277]. Здесь заметим, что вопросы профессиональной подготовки кадров достаточно часто упоминаются исследователями в качестве ключевых проблем цифровизации соответствующей правоохранительной деятельности. Мы полагаем, что только через оптимизацию процесса подготовки сотрудников органов досудебного расследования данный вопрос можно решить.

Ставшая на сегодняшний день популярной технология «блокчейн», действительно, может быть востребована в деятельности по досудебному расследованию, поскольку предполагает разветвленную базу данных, в которой отдельные «хранилища данных» не подключены к единому серверу. Это позволяет сосредотачивать большой объем информации, который может формироваться вокруг того или иного объекта (например, отдельно взятого человека). Первоначальные сферы применения блокчейна преимущественно оказались связанными с вопросами верификации тех или иных данных, обстоятельств, состояний, фактов (нотариальная практика, здравоохранение, земельный кадастр, электоральная практика и т.д.). Как указывают исследователи, «основным преимуществом применения технологии блокчейна является безопасность осуществляемых операций. Все проводимые транзакции не только прозрачны, но и подвержены множественному копированию, вся цепочка транзакций дублируется и хранится в зашифрованном виде у каждого участника» [104, с.108].

Основным лейтмотивом большинства научных публикаций, посвященных вопросам цифровизации деятельности по досудебному расследованию, является выраженный дуалистический подход: с одной стороны, это обоснование необходимости внедрения электронного формата, однако, с другой – внушительный ряд затруднений и проблем, которые предварительно следует решить. Научные исследования относительно внедрения электронного формата деятельности в рамках уголовного судопроизводства первоначально касались преимущественно деятельности

судов и стадии исполнения судебных решений. Так, Л.Г. Халлиулина указывает на тот, что в рамках судебной стадии электронный формат внедряется более быстрыми темпами. Что же касается стадии досудебного расследования, то здесь своего рода «творческий» подход должностных лиц, которые фактически применяют возможности электронных уведомлений, отправки документов по e-mail и т.п. [105, с.76].

«Цифровое судопроизводство, пишет Л.В. Бертовский, – урегулированная нормами процессуального права деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных решений по разрешению юридических дел, в которой ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами судопроизводства позволяют существенно повысить его эффективность».

То обстоятельство, что стадии судебного разбирательства и исполнения решений суда первыми оказались в «эпицентре» электронного форматирования деятельности, имеет целый ряд объективных причин. Деятельность суда, равно как и исполнение судебных решений, обладает известной долей «стационарности», отсутствием разносторонних профилей. Деятельность же в рамках досудебного расследования более дифференцирована, она связана с наиболее жесткими требованиями к формам, их фиксации и верификации.

Общий порядок использования в деятельности по досудебному расследованию научно-технических средств (к которым фактически и относится электронный формат) с учетом их допустимости приведен в ст. 126 УПК РК. Часть 2 ст. 199 УПК РК закрепляет форму протокола: он может быть написан от руки, изготовлен машинописным либо компьютерным способом. Для полноты протокола могут быть применены научно-технические средства: стенографирование, киносъемка, звуко- или видеозапись и иные. Здесь необходимо подчеркнуть, что протоколирование – это одна из основных составляющих деятельности по досудебному расследованию. По поводу применения так называемых «электронных протоколов» исследователи, как правило, ссылаются на такое значимое обстоятельство, как их подтверждение электронной цифровой подписью [106, с.76]. Фактически в данном применении нет особых отличий от традиционной (бумажной) формы фиксации, поскольку они в любом случае формируются посредством компьютерного набора текста. Однако, если ранее для легитимизации документа требовалась собственноручная подпись участников досудебного расследования, то наличие электронной цифровой подписи реально переводит данный документ в чисто электронный формат, не требующий дублирования на бумажном носителе. В этом и состоит принципиальная разница от сканируемого варианта документов.

Таким образом, правовая основа – это неотъемлемое требование, по справедливому утверждению ученых, для электронного производства в деятельности органов досудебного расследования [107, с.113], [108, с.77], [109,

с.100]. При этом электронный формат как техническая составляющая деятельности лиц, осуществляющих досудебное расследование, должен иметь вспомогательное значение по сравнению с главной задачей – расследованием и раскрытием преступлений [110, с.576]. Однако возникают некоторые проблемные вопросы в правовой регламентации правоохранительной деятельности. В частности, в Законе Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [111] отсутствует указание на электронно-цифровой носитель, который заменял бы печать государственного органа. В ст. 12 данного нормативного правового акта приводится только условие возможности удостоверения должностными лицами документов посредством электронной цифровой подписи. Вместе с тем в отдельных документах требуется именно печать организации (например, осуществляющей экспертную деятельность).

Мы полностью разделяем мнение А.Ф. Абдулвалиева в том, что «не исключено, что и электронное уголовное дело может подпадать под понятие “технические средства”, так как функции указанного девайса совпадают с параметрами иных цифровых устройств, используемых органами следствия, дознания и суда при расследовании и разрешении уголовных дел» [112, с.155]. Если же раскрывать содержание термина «электронный формат досудебного расследования», то предполагается не только легитимизация электронной формы уголовного дела, но и информационно-коммуникационный аспект, связанный с обменом информацией в кругу должностных и иных лиц, участвующих в досудебном расследовании.

Вопросы внедрения информационных технологий в деятельность по досудебному расследованию всегда обусловлены потребностями ее оптимизации. В частности, одно из первых исследований, связанных с предложением создания своеобразных информационных центров в рамках досудебного расследования, было осуществлено В.Н. Григорьевым и обусловлено необходимостью своевременного и достоверного информационного обеспечения следственно-оперативных групп [113, с.190]. Вместе с тем в научных трудах всегда отмечаются и организационные риски подобных нововведений. Так, М.С. Сергеев выделяет организационно-технические, социальные и правовые риски. К первой группе он относит проверку подлинности и аутентификации доказательств, а также обеспечение безопасности данных [82]. Ко второй – информационное неравенство, информационную неграмотность. Абдулвалиев А.Ф. указывает на аспекты, которые в обязательном порядке должны быть разрешены при введении электронного уголовного судопроизводства: выработка унифицированного программного обеспечения; решение вопросов относительно защищенности электронной информации; оснащение мобильными автоматизированными системами; обучение (переквалификация) сотрудников правоохранительных органов; обеспечение доступа к электронному производству для лиц, не владеющих навыками использования компьютерных технологий, и др. [93]

В ходе исследования были выявлены значительные организационные дефекты, которые будут проанализированы в последующих параграфах работы.

Таким образом, подводя итог теоретическому исследованию в рамках данного параграфа, можно сделать следующие выводы:

1. Электронное уголовное дело является частью более общего понятия «электронный формат досудебного расследования». Оно представляет собой технический аспект электронно-цифрового оформления документации, не требующий его дублирования на бумажном носителе. Электронный формат должен быть признан разновидностью научно-технических средств, используемых в досудебном расследовании. Важно, чтобы применение электронного формата не изменяло сложившуюся систему использования технических средств и не приводило к чрезмерной абсолютизации технической составляющей в ущерб традиционным формам и основным целям уголовного судопроизводства.

2. Деятельность органов досудебного расследования в электронном формате должна быть организована исключительно на основе нормативно-правовых предписаний и основываться на письменном документообороте. Сущностные элементы включают постоянство аксиологических основ функционирования, зависимость от качества и режима функционирования информационно-коммуникационных систем, роль следователя как центрального и исключительного субъекта, выраженное внешнее упорядочивание и стандартизацию деятельности, а также адаптацию к достижениям технологического прогресса.

3. Деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, урегулирована нормативными правовыми актами и основывается на упорядоченной деятельности специально уполномоченных субъектов. Эта деятельность напрямую зависит от качества функционирования соответствующих информационно-коммуникационных систем, таких как Единый реестр досудебных расследований и модуль «Электронное уголовное дело». Она реализуется посредством обеспечения порядка создания, изменения, обработки и хранения материалов досудебного производства в электронном формате.

§ 2. Правовое регулирование деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате

В соответствии с УПК РК, порядок уголовного судопроизводства определяется Конституцией Республики Казахстан, конституционными законами, а также УПК РК, основанными на Конституции и общепризнанных принципах и нормах международного права (ст. 1). Следует отметить, что статья 23 Конституции Республики Казахстан гарантирует основное право

человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства: «Каждый имеет право на защиту своих прав и свобод» [114]. Это универсальное право должно обеспечиваться всеми правовыми актами и правоприменительной деятельностью должностных лиц, участвующих в уголовном процессе.

Для Республики Казахстан характерен подход к законодательным изменениям через стратегические и концептуальные документы, определяющие правовую политику государства. Важно подчеркнуть, что международные стандарты в основном касаются материальных и ценностных аспектов данной деятельности, направленных на всестороннюю реализацию механизма защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства. Одним из приоритетных принципов, закрепленных в международных правовых актах, является право на справедливое судебное разбирательство. Как отмечают исследователи, «ни одно закрепленное в международных нормах право не регулируется так подробно, как право на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам» [115, с. 12].

Согласно ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., «Каждый человек имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» [116]. Необходимо отметить, что аналогичное право на справедливое судебное разбирательство также закреплено в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [117] и в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [118].

Электронный формат досудебного расследования не напрямую, но опосредованно, через оптимизацию сроков, процедур, расширение принципа доступности к правосудию и прозрачности деятельности должностных лиц способен создавать обеспечительную базу для справедливого судопроизводства.

Правовую основу осуществления деятельности по досудебному производству в МВД Республики Казахстан в электронном формате можно подразделить на три основные группы составляющих ее элементов:

1) базовый элемент – непосредственно действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, в котором должны быть закреплены, как минимум, основы для реализации деятельности по досудебному расследованию в электронном формате в виде основополагающих принципов, разрешений, допущений;

2) элемент регламентации общего характера – правовые акты, регламентирующие вопросы электронного досудебного расследования в Республике Казахстан. Законодательная регламентация электронного досудебного расследования является своего рода законодательной преюдицией для использования соответствующих форм работы во всех сферах профессиональной деятельности, в том числе и в правоохранительной;

3) элемент ведомственной регламентации – нормативные правовые акты, определяющие алгоритм и содержание действий должностных лиц

органов досудебного расследования. В первую очередь в этот пакет документов следует отнести Инструкцию Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате и Правила приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведение Единого реестра досудебных расследований [119, с.171].

Необходимо подчеркнуть, что на ведомственном уровне (Генеральная прокуратура Республики Казахстан) вопросы оптимизации деятельности правоохранительных органов, в том числе связанные с внедрением и использованием информационных ресурсов, нередко решаются посредством организационных мер. Так, самым обширным информационным сервером, объединившим более 70 баз данных, стала Система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов [120], в рамках которой содержится большой объем информации, получаемой в отношении конкретного лица.

Старший помощник Генерального прокурора Республики Казахстан А.Б. Мирманов пишет: «Необходимо отметить, что срок расследования уголовных дел в Республике Казахстан ограничен временным периодом, в течение которого от следователя требуется обеспечить объективное и всестороннее исследование обстоятельств. Поэтому в функционале Единого реестра досудебных расследований предусмотрена опция заполнения шаблонов электронных процессуальных документов. Такой подход позволит видеть не только движение уголовного дела, но и его содержание. Таким образом, развитие этой системы дает возможность перевода уголовного процесса в электронный формат и послужит основой к созданию единых стандартов расследования для правоохранительных органов» [121, с.66].

Таким образом, введение электронного формата в деятельность по досудебному расследованию МВД Республики Казахстан имело определенный подготовительный этап, связанный с апробацией возможностей информационно-коммуникационных технологий в правоохранительной сфере, оценки их ресурсов для решения задач уголовного судопроизводства.

В Российской Федерации существует аналогичная практика подхода к законодательному оформлению использования цифровых технологий в различных сферах деятельности, в том числе и в правоохранительной области. Несмотря на то, что информационно-коммуникационные системы используются и в деятельности российских судов [122], [123], [124], однозначного концептуального решения относительно цифровизации правоохранительной сферы до настоящего времени не принято. Существующая нормативная правовая база рассчитана в целом на расширение элементов цифровизации, причем преимущественно в экономическом секторе.

В этой связи А.Ф. Волынский и В.А. Прорвич считают, что в условиях сегодняшнего дня приоритетными направлениями в Российской Федерации являются «формирование информационного пространства с учетом потребностей в получении качественных и достоверных сведений; создание и

применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне. Необходимо обеспечить национальные интересы в области цифровой экономики» [125, с.149].

Так, в рамках Национальной программы «Цифровая экономика» [126] анонсируется создание модели эффективного «сервисного» государства, что подразумевает предоставление более обширного доступа населения к правовой системе государства. В целом это в полной мере соотносимо и с правоохранительной деятельностью в русле ее специфики. В Республике Казахстан за основу принято, что деятельность ОВД относится к сферам реализации «сервисного» государства.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [127] в числе основных принципов названы обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг. Данное положение представляется значимым и в рамках деятельности органов досудебного расследования по осуществлению производства в электронном формате. Предполагается, что вопросы «цифрового неравенства» должны быть подвергнуты пристальному вниманию во избежание дискриминации по данному основанию.

Наличие законодательного фундамента способствовало и формированию отраслевой законодательной базы, к которой можно отнести Концепцию цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г. [128] Как указывается в документе, целью данного направления деятельности являются достижение уровня преобладания цифровой среды при осуществлении полномочий, доступность информации для граждан и другие профили оптимизации. Таким образом, и в российской практике Генеральная прокуратура демонстрирует динамизм и гибкость, в том числе и в плане инновационных решений.

Возвращаясь к казахстанской практике, отметим, что внедрение электронного формата в деятельность органов МВД Республики Казахстан, осуществляющих досудебное расследование, изначально было связано с тем, что на основании Закона Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» [129] УПК РК был дополнен ст. 42-1.

Проведенный анализ норм УПК РК позволил прийти к выводу о том, что законодатель расценивает электронный формат как элемент модернизации деятельности по досудебному расследованию (исходя из названия указанного Закона). Вместе с тем имеются спорные моменты, связанные с законодательной техникой.

Так, в частности, в ст. 42-1 УПК РК прописано, что судопроизводство ведется в бумажном и (или) электронном форматах. Значение разделительного

союза «или» предполагает исключительную форму того или иного формата, то есть исключение их совмещения. Что же касается союза «и», то он предполагает возможность соединения данных двух основных форматов уголовного судопроизводства. Однако согласно Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате устанавливается исключительный характер одного из выбранных должностным лицом формата: «...дальнейшее изменение формата ведения уголовного судопроизводства с бумажного на электронный формат не допускается, кроме случаев соединения уголовных дел». В рамках принятия решения об электронном формате досудебного расследования возникают вопросы, которые могут повлиять на эффективность всей деятельности по досудебному расследованию в МВД Республики Казахстан. К таким вопросам следует отнести проблемные моменты преимущественно технического характера, но возможны и фактические основания, в частности при обеспечении требований конфиденциальности.

По общему правилу, законы (а тем более кодифицированные источники) имеют большую юридическую силу по сравнению с иными (подзаконными) нормативными правовыми актами. Так, в соответствии с Законом Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах» [130] «юридическая сила нормативного правового акта – характеристика нормативного правового акта, определяющая обязательность его применения к соответствующим общественным отношениям, а также преимущество или соподчиненность по отношению к иным нормативным правовым актам» (п. 29 ст. 1). Норма Закона трактует инструкцию как «нормативный правовой акт, детализирующий применение законодательства в какой-либо сфере общественных отношений» (п. 32 ст. 1).

Следовательно, устанавливаемая Инструкцией Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате исключительность того или иного формата в деятельности по досудебному расследованию может быть признана не соответствующей предписаниям ст. 42-1 УПК РК.

Первоначальное использование электронного формата в деятельности органов МВД Республики Казахстан, осуществляющих досудебное расследование, было связано с оптимизацией системы регистрации заявлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях посредством издания приказа Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89, которым вводилось понятие Единый реестр досудебных расследований. В настоящей редакции приказа Единый реестр досудебных расследований определяется как автоматизированная база данных, в которую вносятся сведения о поводах к началу досудебного расследования, перечисленных в ч. 1 ст. 180 УПК РК, принятых по ним процессуальных решениях, произведенных действиях, движении уголовного производства, заявителях и участниках уголовного процесса, а также

осуществляется ведение уголовного судопроизводства в электронном формате на стадии досудебного расследования [131].

Система электронной регистрации информации об уголовных правонарушениях была призвана создать положительные условия: во-первых, перейти к практике регистрации всей информации об уголовных правонарушениях; во-вторых, заметно сократить сроки между фактом совершенного уголовного правонарушения и началом производства досудебного расследования; в-третьих, существенно снизить риски укрытия фактов уголовных правонарушений от учета.

В научной литературе прописано, что учетно-регистрационная дисциплина является значимым фактором, поскольку «с нее начинается соблюдение законности, реализация прав граждан на доступ к правосудию, она является одним из правовых средств разрешения проблемы укрытия преступлений от учета» [132, с.349]. Укрытое уголовное правонарушение – это уголовный проступок или преступление, по которому, несмотря на наличие поводов к началу досудебного расследования, предусмотренных ст. 180 УПК РК, не приняты меры к регистрации его в Едином реестре досудебных расследований (подпункт 4 п. 1). Однако данное правило имеет расхождение с текстом Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), где в ст. 433 УК РК регламентируется уголовная ответственность за укрытие уголовного правонарушения, причем указывается не только факт укрытия от регистрации, но и случаи уничтожения или сокрытия любым иным способом обращения об уголовном правонарушении [133].

В целом же следует признать, что вопрос учетно-регистрационной деятельности органов досудебного расследования является одним из сложных и проблемных. Регистрация представляет отдельный, неотъемлемый элемент деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении [134, с.12]. При этом в казахстанской модели деятельности по досудебному расследованию принято принципиальное решение: указанная деятельность начинается именно с момента регистрации информации об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований. В такой последовательности ряд потенциальных нарушений учетно-регистрационной дисциплины, безусловно, сократится, поскольку, как предполагают российские исследователи, значительная доля сокрытий преступлений от учета совершается на стадии принятия решения о возбуждении уголовного судопроизводства [135, с.152], [136, с.7], [137, с.3], [138, с.3]. Согласно ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [139] (далее – УПК РФ) после регистрации информации о совершенном преступлении проводится рассмотрение соответствующего сообщения и только после этого принимается решение о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, в настоящее время вопрос учетно-регистрационной дисциплины включен в общее понятие «досудебное расследование в электронном формате», что во многом определяет значение данного фактора во всей стадии досудебного расследования и практически нивелирует такой

риск укрытия уголовного правонарушения, как усмотрение должностного лица в ходе оценки полученного сообщения о совершенном уголовном правонарушении.

Высокую индифферентность к введенному электронному формату деятельности по досудебному расследованию демонстрирует многочисленность предписаний УПК РК, что представляется существенным дефектом законодательной техники. В теории права имеются указания на тот факт, что в некоторых случаях следует не только осуществлять формальный анализ нормы, но и принимать во внимание те условия и обстоятельства, в рамках которых она в настоящее время реализуется, иными словами, следует прибегать к приему интерпретации соответствующего правового предписания [140, с.378]. По этому поводу В.В. Малышева в диссертационном исследовании прописывает возможность применения аналогии при осуществлении данной деятельности [141, с.8]. Также Т.В. Шушанова отстаивает подход, согласно которому деятельность по досудебному расследованию должна быть четко упорядоченной, алгоритмизированной, основанной на непротиворечивых предписаниях [142, с.9]. В свою очередь Ю.Е. Румянцева выводит пределы возможной интерпретации законодательных предписаний в рамках деятельности по досудебному расследованию, поскольку она может привести к ущемлению прав и законных интересов граждан [143, с.9].

Нам данные авторские позиции представляются достаточно спорными, поскольку традиционно принято считать, что деятельность по досудебному расследованию имеет строгий не формализованный характер. Как ранее обосновывалось численность индифферентных электронному формату предписаний в УПК РК представляется чрезмерной, что при условии применения закона по аналогии ведет к существенному снижению правоприменительной дисциплины органов МВД Республики Казахстан, осуществляющих досудебное производство в электронном формате.

Так, например, в ч. 3 ст. 112 УПК РК указывается, что не могут быть положены в основу обвинения показания подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, заключение эксперта, специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы, если они не включены в опись материалов уголовного дела. А в ч. 4 ст. 70 УПК РК прописано, что «в протоколе следственных действий защитник вправе делать письменные замечания по поводу правильности и полноты его записи». Данный перечень можно было бы дополнить еще значительным количеством предписаний, в которых возможность применения электронного формата в деятельности по досудебному расследованию фактически исключается [144, с.113].

Данные обстоятельства объясняются, по нашему мнению, присутствием чрезмерно форсированного характера законодательного оформления электронного формата досудебного расследования на законодательном уровне. Так, Закон, который включил статью 42-1 в УПК РК, указывающую на осуществление досудебного расследования, в том числе и в электронном

формате, был принят 21 декабря 2017 г., а уже 3 января 2018 г. (то есть фактически через две недели) была издана Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. Следовательно, обоснованно можно сделать вывод: изменения в тексте УПК РК требовались исключительно для легитимизации подзаконного акта (Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате), именно по этой причине законодатель посчитал достаточным дополнить УПК РК только одной статьей.

В части перспектив внедрения в деятельность органов досудебного расследования Российской Федерации элементов электронного расследования Л.А. Воскобитова считает, что в решении этой задачи наиболее целесообразен метод экспериментального использования цифровых технологий, сопровождаемый необходимым правовым регулированием, в частности предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте. Экспериментальный переход к цифровым технологиям также может осуществляться путем перевода на эту технологию сначала лишь отдельных, наиболее формализуемых аспектов процессуальной деятельности [145, с.95].

Таким образом, существует различный подход к «скорости» принятия соответствующих организационно-законодательных решений. Безусловно, цитируемый автор, имеет основания для высказанных опасений. Так, опыт зарубежных стран в отношении использования возможностей электронного расследования выявил целый ряд рисков, которые Кабинетом министров Совета Европы были озвучены как «более высокий риск потенциального уничтожения или потери электронных доказательств по сравнению с неэлектронными»; требуется устанавливать адекватные «процедуры для безопасного изъятия и сбора электронных доказательств» (п. 11); «электронные доказательства должны собираться надлежащим и безопасным образом и представляться в суды с использованием надежных услуг, таких как услуги по проверке надежности» (п. 10) [146]. Аналогичный вопрос возникает и по отношению к понятию «уголовное дело». Следует отметить, что, несмотря на то, что термин «уголовное дело» лидирует по частоте употребления в тексте УПК РК, однако в его содержании отсутствует упоминание электронной формы досудебного расследования.

Вместе с тем в Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате приводится определение электронного уголовного дела, под которым понимается «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством функционала модуля «Электронное уголовное дело». Соответственно, в данном правиле, кроме основного отличительного признака электронного уголовного дела (непосредственно сам электронный формат его ведения), имеется и указание на признак обособленности.

В научных работах также практически отсутствует конкретизация данного понятия. Так, в частности, А.В. Матвеев отмечает: «"Ознакомление с материалами уголовного дела" как процесс изучения участниками уголовного судопроизводства материалов следственного и судебного производства, вещественных доказательств в целях получения ими установленного законом объема сведений, необходимых для реализации своих прав и законных интересов, организуемый и обеспечиваемый должностным лицом, в производстве у которого находится уголовное дело» [147, с.8].

Таким образом, по нашему мнению, термин «материалы уголовного дела» следует трактовать через совокупность понятий (материалы следственного и материалы судебного производств), включая в объект ознакомления также и вещественные доказательства.

Так, в частности, при определении критериев понятия «сложное уголовное дело» И.С. Смирнова оценивает степень фактической и юридической сложности уголовного судопроизводства в отношении тех или иных преступных посягательств, вообще не обращаясь к материальному признаку документального оформления соответствующих уголовных дел [148, с.11]. Что же касается традиционной характеристики, то обычно используется понятие «материалы уголовного дела». Фактически именно материалы уголовного дела и являются предметом деятельности должностных лиц органов досудебного расследования, независимо от ее формата (электронный или бумажный).

Вместе с тем понятие «уголовное дело» оценивается также и в материализованной форме, то есть путем оформления в заданной последовательности материалов досудебного расследования. В частности, в ст. 293 УПК РК содержится формулировка «восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов» (ч. 1 ст. 293 УПК РК). Более точное установление признаков традиционного (в бумажном формате) уголовного дела возможно с помощью статей, регламентирующих порядок ознакомления участников судопроизводства с материалами уголовного дела по его окончании. Так, в ч. 1 ст. 296 УПК РК указывается, что «лицо, осуществляющее досудебное расследование, предъявляет подозреваемому и его защитнику все материалы дела, за исключением списка обвинения, которые должны быть подшиты, пронумерованы, внесены в опись листов дела, прошнурованы и скреплены печатью следственного органа».

Таким образом, в данной норме усматриваются признаки уголовного дела исключительно в бумажном формате: пронумерованные страницы, наличие описи, прошивка дела, печать компетентного органа. В рамках анализируемого вопроса очевиден тот факт, что необходимость такого детального изучения возникла именно по причине возникшей альтернативности формата деятельности по досудебному расследованию.

Как ранее указывалось, внедрение электронного досудебного расследования преимущественно оценивается как средство оптимизации правоохранительной деятельности, посредством которого можно достичь ряда

позитивных результатов в сравнении с традиционным (бумажным форматом). Один из таких результатов реализуется в возможности сокращения сроков осуществления деятельности по досудебному расследованию.

В теории понятие «разумный срок» получило достаточно широкое научное обсуждение [149], [150], [151], [152]. Так, И.В. Малофеев считает, что «разумный срок» следует понимать как принцип, который обеспечивает право каждого на доступ к правосудию без неоправданных задержек, требованиям которого в ходе производства по уголовному делу должна подчиняться вся деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда [153, с.7].

Непосредственно на уровне Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате можно выделить целый ряд критериев положительного влияния на деятельность правоохранительных органов по сокращению сроков досудебного расследования.

Во-первых, непосредственные технические средства, сокращающие процесс идентификации пользователя и его данных. В частности, это биометрический считыватель, являющийся специализированным периферийным устройством для аутентификации пользователя системы по биометрическим параметрам отпечатка пальца.

Во-вторых, все основные мероприятия, которые, согласно Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (п. 5), связаны с осуществлением досудебного расследования в электронном формате, преимущественно направлены на оптимизацию сроков досудебного расследования. В частности, это:

1) наличие шаблонов документов, которые, хотя и заполняются самостоятельно, но способны сократить время за счет унификации формы;

2) подписание электронных документов участниками процесса посредством электронной цифровой подписи или планшета подписи (в первом случае подписание документа может происходить дистанционно, посредством использования информационно-коммуникационных технологий; во втором – планшет подписи позволяет экономить временные затраты на последующий перевод бумажного документа с собственноручной подписью в электронный формат);

3) отправка SMS-оповещения для уведомления либо вызова участников уголовного процесса (не вызывающий сомнения в плане оптимизации сроков досудебного расследования фактор, причем сокращающий не только временные, но и физические затраты);

4) электронное взаимодействие с судом в целях обеспечения процесса по рассмотрению уголовных дел и материалов в электронном формате;

5) электронное взаимодействие с экспертами, специалистами для осуществления процедур назначения исследования и получения заключений в электронном формате либо перевода бумажных носителей в электронный

формат (любое ускорение передачи и обмена информацией в обязательном порядке влияет на сокращение сроков обратной связи).

б) функционирования публичного сектора.

В-третьих, краткость сроков (24 часа) для уведомления прокурора, а также участников процесса о принятом решении по ведению досудебного расследования в электронном формате.

В-четвертых, возможность автоматизированного формирования сопроводительных писем, а также некоторые другие факторы, непосредственно детализированные в Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате.

Несколько сложнее обстоит дело с соблюдением принципа состязательности и равноправия сторон. В условиях сегодняшнего дня его решение может иметь принципиальное значение. Данный принцип, на обеспечение которого, скорее всего, обратят внимание процессуалисты, в контексте организации деятельности по электронному формату досудебного расследования приобретает иное, собственное значение, которое также может отразиться на ее эффективности. Если с точки зрения принципа состязательности на первый план выходит вопрос обеспечения равенства участников стадии досудебного производства [154, с.8], то в рамках анализа организационных моментов встает вопрос о том, что «цифровая диспропорция» может привести к тем или иным элементам торможения соответствующей деятельности.

Так, отсутствие у того или иного участника стабильного доступа к соответствующей информационной системе может создать ситуацию, что те или иные мероприятия по досудебному расследованию не смогут быть осуществлены своевременно. При этом на определенные диспропорции в возможностях реализации прав участников досудебного производства исследователи указывали еще и при осуществлении безальтернативного бумажного формата [155, с.9]. В частности, Инструкцией Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате предусмотрено функционирование «публичного сектора», который определяется как функционал Единого реестра досудебных расследований, позволяющий участникам посредством всемирной информационной компьютерной сети Интернет с соблюдением требований информационной безопасности получать удаленный доступ к материалам электронного уголовного дела, подавать жалобы и ходатайства. Учитывая тот факт, что сами должностные лица, осуществляющие досудебное расследование в электронном формате, заинтересованы в «цифровом равенстве» участников. Здесь возможно провести прямую параллель с ранее отмеченным положительным аспектом в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, согласно которой вопросы «цифрового комфорта», «цифрового равенства» выносятся в разряд принципов реализации Стратегии.

Таким образом, подводя итог анализу, проведенному в рамках настоящего параграфа, можно сформулировать следующие выводы:

1. Внедрение электронного формата досудебного расследования было осуществлено на основе уже существующего законодательного материала, касающегося правил и элементов электронных средств обмена информацией. В целом, терминология правовых актов, определяющих порядок досудебного расследования в электронном формате, соответствует той, которая используется в общей правовой базе, регулирующей вопросы электронного документооборота в Республике Казахстан. При этом необходимо отметить, что данные нововведения были внедрены в ускоренном порядке, что может привести к рискам правовых коллизий и организационным недостаткам.

2. Правовая основа деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, в настоящее время характеризуется наличием коллизионного пробела между правовыми актами с большей юридической силой и подзаконными правовыми актами, такими как Инструкция Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. Анализ УПК РК показал практически полное игнорирование предписаний в контексте электронного формата досудебного расследования, поскольку значительная часть его норм рассчитана на применение исключительно в бумажном формате.

3. В текущем правовом регулировании деятельность органов досудебного расследования в электронном формате демонстрирует значительный потенциал для оптимизации, особенно с точки зрения сокращения сроков ее осуществления. Это достигается за счет наличия стандартизированных функций в модуле «Электронное уголовное дело», таких как шаблоны документов, автоматическое формирование сопроводительной документации и система SMS-оповещений.

4. Ускорение информационного обмена между субъектами и участниками досудебного расследования также представляет собой важный аспект, способствующий повышению эффективности процесса. Это позволяет значительно уменьшить временные затраты на передачу и обработку информации, что в конечном итоге улучшает качество и оперативность досудебного расследования.

§ 3. Национальный и зарубежный опыт организации деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате

Анализ национального опыта деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих досудебное производство в электронном формате, на текущий момент охватывает сравнительно небольшой временной период, начиная с внедрения данной организационно-правовой новеллы в начале 2018 г. Основное внимание

уделяется мониторингу и оценке начальных результатов этих изменений. В ходе презентации соответствующего пакета изменений в деятельности правоохранительных органов, заместитель Генерального прокурора Республики Казахстан М.М. Ахметжанов подчеркнул ряд ключевых индикаторов, в рамках которых планируется достичь положительных результатов: уровень защиты населения, обеспечение состязательности сторон, упрощение процедур, повышение судебного контроля, а также исключение дублирования полномочий [156].

Председатель Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан Б.Б. Мусин, в свою очередь, аргументировал необходимость перехода к цифровому формату деятельности по досудебному расследованию следующими доводами: перегруженность системы, которая ведет к чрезмерным затратам временных, профессиональных и финансовых ресурсов; недостаточная прозрачность деятельности, вызывающая недовольство населения; а также риски фальсификации материалов досудебного расследования [157]. Казахстанские исследователи этой проблемы считают, что данное нововведение должно способствовать в первую очередь достижению сокращения сроков досудебного расследования до наиболее оптимальных [158, с.25], [159, с.129], [160]. Так, в частности, М.А. Пакирдинов отмечает, что по результатам «пилотного» проекта по внедрению электронного формата в деятельность органов досудебного расследования на территории 7 регионов Республики Казахстан были достигнуты ощутимые положительные результаты: уголовные дела, расследование по которым продолжалось месяцами, стали доводиться до суда в недельный срок. При этом в традиционном формате средняя продолжительность расследования составляет 40 дней (даже по так называемым «очевидным» преступлениям она обычно составляет не менее 15 дней), учитывая также тот факт, что 3 дня дело находится у прокурора и в среднем около 20 дней в суде [161].

По этому вопросу А.В. Ендольцева и Ю.В. Ендольцева прогнозируют, что наличие электронного уголовного дела позволит ликвидировать практику постоянного ксерокопирования материалов уголовного дела, представляемых для обоснования ходатайств следователя перед руководством и надзирающим органом, что в конечном итоге благоприятно отразится на сроках расследования [162, с.39]. Вместе с тем, по усмотрению некоторых авторов, возникают значительные риски, которые могут отразиться на успешности реализации проектов, связанных с электронным расследованием. В частности, выделяются организационные риски объективного характера: недооценка этапов реализации проекта в части своевременного обучения пользователей; недостаточно налаженные коммуникации среди участников проекта; слабое планирование деятельности, нечеткая постановка целей и задач и др., а также риски субъективного характера: преимущественно недостаточные навыки по работе с информацией, приводящие к психологическому сопротивлению,

стремлению избежать прозрачности деятельности, которая неизбежно возникает при введении электронного документооборота, и др. [163], [164].

Кроме того, неопределимое свойство электронной информации к быстрому воспроизводству и потреблению значительным количеством субъектов содержит в себе и вполне объективный риск к тиражированию ошибочной, недостоверной и даже заведомо искаженной информации, при котором заранее просчитать негативные последствия весьма затруднительно. Для сравнения: в финансовой (банковской) сфере, где характерно использование различного рода удаленных банковских услуг (электронного банкинга), вопрос о первичном исследовании потенциальных рисков стоит достаточно остро (мошенничества, судебные тяжбы с клиентами, утечка конфиденциальной информации, вплоть до использования финансовых ресурсов для поддержки террористической деятельности) [165, с.75].

Как анонсировалось в совместных российско-казахстанских научных публикациях по вопросу внедрения в Республике Казахстан нового формата досудебного расследования, «данная система должна иметь, по замыслу разработчиков, функцию по формированию всего уголовного дела, содержащую в себе заложенный алгоритм последовательных процессуальных и организационных действий, начиная с регистрации заявления и сообщения о преступлении в Едином реестре досудебных расследований, то есть с момента официального начала расследования до окончания судебного рассмотрения с вынесением оправдательного или обвинительного приговора. При этом настоящая система позволяет прикреплять всю поступающую информацию о полученных из различных источников доказательствах, включая аудиозаписи, фото- и видеоизображения, а также иные файлы с документами и программными продуктами» [166, с.8].

Таким образом, имеется объединение вспомогательных сервисов, способствующих продвижению электронного расследования (интегрированные информационные системы, банки данных с определенным режимом доступа и использования информации), а также элементов цифровизации, которые непосредственно связаны с самой деятельностью по досудебному расследованию [167, с.27].

Изучение и использование зарубежного опыта применения в правоохранительной деятельности отдельных элементов электронного уголовного судопроизводства представляет значительный научный интерес. Здесь следует учитывать тот факт, что речь идет не только о досудебном расследовании в электронном формате (то есть в рамках того, что в казахстанском варианте именуется модулем «Электронное уголовное дело»), но и о наличии разветвленной системы электронных средств обмена информацией, использования технологий для удаленной связи участников процесса и т. д.

Влияние информационных технологий на эффективность уголовного судопроизводства измеряется целым рядом параметров. Это: возможность облегчения работы участников; воздействие на степень взаимопонимания

участников; приватность информации, отсутствие несанкционированного доступа к ней других лиц; уровень комфорта; безопасность; отношение самих участников к соответствующему формату связи; возможность обеспечения справедливости судебного разбирательства и некоторые другие [168, с.35].

Необходимо подчеркнуть, что для Республики Казахстан изучение зарубежного опыта стало основным компонентом на стадии практической разработки нововведения, вплоть до эмпирического наблюдения в ходе командировок в зарубежные страны специалистов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (Эстония, Грузия, ФРГ, Великобритания, Саудовская Аравия). Вместе с тем зарубежный опыт благополучного функционирования электронного расследования в деятельности правоохранительных органов продолжает изучаться и сегодня в таких странах, как Сингапур, Южная Корея [169]. Для многих государств электронный формат производства в деятельности по досудебному расследованию характеризуется не только непосредственным ведением уголовного дела исключительно на цифровых носителях, но и использованием других технологий, имеющих прямое отношение к расследованию преступлений: использование аудио- и видеозаписи показаний свидетелей, находящихся в другом государстве или очень отдаленной местности, протоколирование следственных действий с помощью записывающих устройств, использование видеоконференцсвязи и др.

Данные аспекты в русле традиций казахстанского уголовного процесса, безусловно, требуют изучения с точки зрения оптимального нормативного закрепления. В этом плане справедливо мнение российского ученого Ю.Н. Соколова, указывающего на необходимость закрепления «статуса» информационных технологий в досудебном расследовании. Они должны отвечать таким основополагающим требованиям, как законность, соблюдение прав и законных интересов личности, обеспечение открытости и прозрачности использования соответствующих средств [170, с.130]. В этом смысле следует признать, что определение понятия электронного документа, закрепленное в п. 15 ст. 7 УПК РК, как документа, в котором информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи, не соотносится с понятием «информационные технологии», поскольку последнее является более широким. Не будет удовлетворительным и использование в данном случае термина «научно-технические средства», которые определяются как «приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательства» (п. 10 ст. 7 УПК РК).

Как перспективы расширения деятельности по досудебному расследованию в электронном формате за рамки исключительно электронного уголовного дела следует отнести возможности использования видеоконференцсвязи. Современная видеоконференцсвязь в Республике Казахстан предусматривается стадиями досудебного и судебного разбирательства по уголовному делу. Согласно ч. 8 ст. 370 УПК РК допрос

свидетеля судом может быть произведен посредством видеоконференцсвязи с вызовом его в суд того района (области), на территории которого свидетель находится или проживает. Аналогично решается вопрос и в России: ст. 278.1 УПК РФ допускает допрос судом свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи.

В Республике Казахстан детализация вопроса относительно процедуры проведения видеоконференцсвязи приводится в Правилах технического применения средств видеоконференцсвязи от 7 июня 2018 г. [171] (далее – Правила). Дистанционный допрос осуществляется в случаях: «1) невозможности непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам; 2) необходимости обеспечения безопасности лица; 3) проведения допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего; 4) необходимости обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования, судебного рассмотрения дела» (п. 27 Правил).

В ч. 1 ст. 213 УПК РК указываются основания для проведения дистанционного допроса – это «наличие причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами». Таким образом, следует признать, что в казахстанском законодательстве наличествуют все правовые резервы для расширения электронного формата досудебного расследования за пределы модуля «Электронное уголовное дело».

Вместе с тем и в рассматриваемом аспекте усматриваются несоответствия законодательных предписаний электронному формату деятельности по досудебному расследованию. При буквальном толковании ч. 3 ст. 213 УПК РК устанавливается указание на фактически исключительно традиционную (бумажную) форму фиксации соответствующего следственного действия. То есть подразумевается, что весь ход допроса должен получить отражение в протоколе, в том числе и с учетом замечаний и дополнений со стороны допрашиваемого (ч. 3 ст. 213 УПК РК). Для сравнения: в соответствии с п. 21 Правил в судебном заседании в протоколе фиксируется только факт их применения, поскольку п. 4 данных Правил регламентирует хранение соответствующих записей, их использование и уничтожение в установленном порядке [172].

Для сравнения: в США возможности видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства по уголовному делу используются уже почти 30 лет. Однако необходимо учитывать, что в системе уголовного судопроизводства США имеется целый ряд принципиальных отличий, в том числе и в доказательственном значении материалов, собранных на досудебной стадии.

Одной из отличительных особенностей процедуры доказывания и оценки доказательств в странах англосаксонской системы права, по мнению С.В. Щербакова, является категория «вес доказательства» [173, с.29]. Кроме

того, в США все материалы, собранные должностными лицами органов досудебного расследования, в целом не имеют значения полноценных доказательств. Все собранные материалы – это информация о преступлении, которая впоследствии оценивается прокурором, имеющим значительные полномочия относительно принятия решения в рамках досудебного расследования. Именно на стадии информационного анализа преступления прокурором и приобретает значение такое свойство доказательства, как его «вес», то есть оценка всех фактических данных с точки зрения перспектив разбирательства дела в суде (отсутствие перспектив может привести к отказу от передачи дела в суд) [174, с.637].

Нередко катализатором для быстрого внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство служит разветвленная система межведомственных взаимодействий. Например, в США в соответствии с принятым в 1994 г. Законом «О правоохранительной деятельности по контролю за насильственными преступлениями» (Violent Crime Control and Law Enforcement Act) [175] предусматривается тесное взаимодействие полиции с Федеральным бюро расследований (далее – ФБР), которые в итоге предоставляют консолидированную информацию относительно криминальных актов в Национальный центр учета преступлений (National Crime Identification Center, NCIC).

В США функционирует достаточно разветвленная информационная система, предполагающая оперативный обмен информацией между целым рядом федеральных органов, помимо полиции и ФБР (Секретная служба, Министерство труда, Бюро внутренних доходов, судебные-экспертные учреждения и др.). Таким образом, в тесном информационном взаимодействии находятся Национальный центр учета преступлений (National Crime Identification Center), Интегрированная автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев (Integrated Automated Fingerprints Identification System), Межрегиональный центр идентификации (Interstate Identification Index). Подобное взаимодействие позволяет значительно ускорять деятельность по досудебному расследованию и фактически представляет собой отдельные элементы электронного расследования преступлений.

Видеоконференцсвязь в США применяется даже для предъявления обвинения, причем данные с соответствующих цифровых носителей являются полностью легитимными, они применяются в аналогичном режиме с другими способами предъявления обвинения. Здесь действует правило, согласно которому обвиняемый не может отказаться от данной процедуры при учете, что он может свободно и конфиденциально общаться со своим адвокатом. Исследователи опыта США в плане использования возможностей видеоконференцсвязи констатируют, что уже в 2002 г. в штате Массачусетс одновременно в трех судах участники имели возможность с помощью 3-D технологий (специальные очки, трехмерная цифровая картинка)

непосредственно визуально воспринимать реконструированное событие преступления [176, с.104].

В американском уголовном судопроизводстве допускается даже отсутствие судьи в зале судебного заседания, а участие его посредством видеоконференцсвязи, причем функционирует дополнительный канал связи для конфиденциальных контактов с сотрудниками суда и иными лицами во время судебного заседания. Допускается также удаленное пребывание адвоката, при этом достаточно только одной линии видеоконференцсвязи (если видеоконференцсвязь проводится с пенитенциарным учреждением, то адвокат находится вместе с осужденным). Интересен факт, что имеются ограничения по месту пребывания адвоката, если он находится в удаленном месте. В частности, предполагается, что пребывание в собственном офисе создает определенные преимущества в плане более комфортных условий. Несмотря на то обстоятельство, что отсутствует абсолютный запрет на использование при видеоконференцсвязи общественных конференц-залов, судьи, как правило, предпочитают находиться в подконтрольных работникам суда помещениях. Здесь следует учитывать, что для США достаточно характерно широкое участие СМИ и общественности в уголовном судопроизводстве, вплоть до пикетов и иных протестных акций, что вполне объясняет подобные ограничения, способные создать организационную деструкцию в ходе судебного заседания.

В целом видеоконференцсвязь используется исключительно как технический способ связи для участников, оптимизирующий сроки досудебного расследования и судебного разбирательства. Соответственно, имеется определенный протокол поведения участников, иногда включающий большее количество ограничений, нежели при очном судебном заседании: требования к статичности участников судебного заседания, необходимости учета угла видеокамеры в помещении. Это вполне объяснимо, поскольку нередко требуется оценить не только вербальные атрибуты судебного заседания (непосредственно речь участников процесса), но и отдельные поведенческие моменты, а также иллюстрацию тех или иных действий. Какие-либо четкие стандарты по правилам применения видеоконференцсвязи в США отсутствуют, данный вопрос преимущественно отнесен на усмотрение судьи. Допускается предварительная запись допроса значимых для рассмотрения уголовного дела свидетелей и иных лиц с последующим ее воспроизведением в ходе расследования и судебного разбирательства [177, с.390]. Аналогичные правила действуют и при использовании видеоконференцсвязи в досудебной стадии, хотя именно в судебных заседаниях США процент ее использования превалирующий.

В предыдущем параграфе приводились такие значимые факторы, как «цифровой комфорт», «цифровое равенство», которые неизбежно отражаются на качестве деятельности по досудебному расследованию. Здесь уместно отметить, что для США характерна ссылка на различные технические дефекты в целях влияния на ход разбирательства по делу (например, ссылка на плохой

сигнал, на неравные технические возможности сторон по приему сигнала, создающие недопустимые привилегии, на возможность подмены картинки посредством вмешательства в трансляцию и т.д.). Как показало проведенное исследование, в современных условиях технические аспекты являются наиболее значимыми факторами, они отражаются на эффективности деятельности по досудебному расследованию.

Оценка зарубежного опыта свидетельствует о том, что временной разрыв между «тотальной» информатизацией различных сфер жизнедеятельности человека и внедрением инновационных технологий в деятельность по досудебному расследованию менее значителен, чем в Республике Казахстан и других странах постсоветского пространства. Процесс внедрения электронного расследования в большинстве стран, имеющих к настоящему времени известную практику, сложился достаточно органично и сразу в «расширенном» варианте (не только в рамках цифровизации уголовного дела). При этом следует отметить, что данный процесс был запущен с принятием специальных законов, хотя имеются и исключения.

В США замысел подачи документов (заявлений, обращений) в электронном формате зародился еще в 1980 г. и нашел свое продолжение благодаря применяемым «пилотным» проектам. Это позволило в дальнейшем укрепить и увеличить потенциал внедрения элементов электронного правосудия в судах США (2003 г.). В ряде случаев данный процесс был реализован в рамках, запущенных на уровне определенного штата проектов. Например, в штате Аризона соответствующий проект о переходе на электронный оборот был одобрен еще в 1998 г. на территории графства Прескотт, однако только через два года техническая комиссия Верховного суда США выдала разрешение на его использование на территории всего штата [178]. Еще раньше, в 1994 г., переход к унифицированным электронным документам, единому программному обеспечению и интегрированной базе данных был произведен в штате Невада [179, с.33]. Электронное правосудие и разработка интегрированной информационной системы в штате Аляска в 1999 г. были осуществлены на основе так называемого Стратегического плана и обусловлены преимущественно низкой плотностью населения при сравнительно большой территории [180]. За небольшой промежуток времени сформировалась разветвленная, эффективная система информационных коммуникаций между различными службами.

При этом электронное правосудие стало приоритетным, а возможность доступа сотрудников к соответствующим системам постоянно возрастала (вплоть до возможности соединения с аналогичными системами из патрульных машин полиции). Медведева М.О. отмечает, что в США получила широкое признание практика использования различных электронных источников доказательств, к которым на основе сложившегося прецедентного права относятся: 1) аудиозапись; 2) фотография; 3) видеозапись; 4) электронный документ; 5) мобильное устройство связи; 6) текстовые

сообщения; 7) электронный носитель информации; 8) электронная корреспонденция; 9) данные Интернет-трафика.

Использование в деятельности правоохранительных органов электронных источников доказательств влияет на принятие соответствующих организационных решений. Авторы сравнительно-правовых исследований специально подчеркивают, что в большинстве случаев организационные решения применялись исходя из предварительного анкетирования работников правоохранительных органов на предмет их отношения к нововведению [181, с.28].

Аналогичные исследования (Electronic Filing Study) проводились и в Канаде, причем возможность использования электронных документов получила поддержку у 73 % респондентов [182]. С учетом того, что внедрение расследования в электронном формате нередко сопряжено не только с организационными, но и с субъективными рисками (различными формами пассивного или активного личного «отторжения» со стороны сотрудников), подобное решение представляется обоснованным.

Важно отметить, что в Республике Казахстан идентичного предварительного исследования не проводилось, это дает основание утверждать, что многие заранее не прогнозируемые риски придется оценивать уже в объективированной форме тех или иных затруднений и коллизий.

Сегодня популярна теория, что электронное правосудие в США берет свое начало с создания многопрофильной функциональной системы «Public Accessto Court Electronic Records» (далее – PACER), то есть Публичный доступ к судебным электронным записям. PACER – система публичного доступа к данным окружных и апелляционных судов США. Особенностью системы PACAR является ее коммерческая составляющая, то есть пользователи могут запросить интересующую их информацию за определенную плату. Одновременно с системой PACER была разработана и внедрена система «Case Management/Electronic Case Files» (далее – CM/ECF), то есть Управление делами/Электронные дела. CM/ECF представляла собой организационный механизм по уголовным делам и позволяла проводить электронное регистрирование.

Таким образом, деятельность правоохранительных органов США, осуществляющих производство в электронном формате, происходит посредством функционирования двух самостоятельных систем: PACER и CM/ECF. Причем система PACER используется для публичного (санкционированного) доступа к электронным судебным записям, а система CM/ECF – для ведения дел и электронной подачи судебных документов [183].

Как следует из названия, система CM/ECF является результатом комбинации инструментов, обеспечивающих две функции: «Организацию по делам» (CM) и «Электронный файл дел» (ECF) [184, с.189].

В совокупности эти два элемента образуют интегрированную систему, дополненную PACER, предоставляющую доступ к электронным файлам через информационную телекоммуникационную сеть Интернет. Возможности

системы реализуются следующими функциями: ведение документации (отслеживание запросов, ответов, сроков и слушаний); организация перемещения электронными документами, их хранение, безопасность и архивирование; доставка документов в суд, из суда и в его пределах; дополнительная информация от других сторон при подаче документов [185].

Доступ к указанным системам осуществляется с помощью логина пользователя и пароля, присваиваемого соответствующим федеральным судом; в отдельных судах данные формально приравниваются к индивидуальной электронной цифровой подписи. При этом использование систем электронного судопроизводства возможно в круглосуточном режиме, а направление в электронном формате материалов уголовного дела в компетентные органы не требует от пользователей каких-либо дополнительных затрат по сравнению с отправкой документов на бумажных носителях. Принимая во внимание то обстоятельство, что США является федеративным государством, каждый суд штата США внедрил и использует свой локальный вариант ИТ-систем на основе общих платформ PACER и CM/ECF [186].

На европейском континенте также можно выделить лидеров цифровизации деятельности по досудебному расследованию. В Финляндии, помимо лидерства данной страны в сфере телекоммуникационных технологий, сложились объективные организационные предпосылки внедрения цифровизации в деятельность правоохранительных органов: сравнительно небольшой штат сотрудников правоохранительных органов и их значительная отдаленность друг от друга по причине низкой плотности населения страны. Для первоначального обеспечения электронного формата расследования, включающего и создание интегрированных информационных систем, потребовались существенные финансовые затраты (в среднем около 40 млн евро ежегодно) [187].

В отличие от Республики Казахстан, где инициатором введения электронного формата досудебного расследования стала Генеральная прокуратура Республики Казахстан, а функциональная реализация возложена на должностных лиц МВД Республики Казахстан, в Финляндии координатором данного вопроса выступает Министерство юстиции. При этом в интегрированную информационную сеть включены практически все судебные округа, апелляционные суды, Верховный суд Финляндии, значительная часть пенитенциарных учреждений, органы криминальной полиции, прокуратуры, пенитенциарные суды, судебные приставы. К настоящему времени в Финляндии сложилась система электронного правосудия, при которой движение уголовного дела осуществляется исключительно в цифровом формате, при этом существует разветвленный тематический рубрикатор (обособленные базы данных), позволяющий качественно систематизировать соответствующие информационные ресурсы [188]. Применительно к российским реалиям, как справедливо отмечает Д.А. Иванов, использование в повседневной деятельности следователем различных

стремительно развивающихся баз данных и информационных ресурсов в значительной мере ускорит процесс возмещения причиненного вреда [189, с.87].

Успешность финляндской модели электронного формата расследования во многом обусловлена тем, что уже на первых этапах реализации ставился акцент на стандартизацию технических параметров соответствующей деятельности, в результате которой все участники находятся в равных условиях.

Для Финляндии, как и для США, характерно иное отношение к доказательствам, собранным в ходе деятельности по досудебному расследованию, поскольку окончательная их оценка производится в суде. Судопроизводству Республики Казахстан присуще повышенное внимание именно к результатам деятельности по досудебному расследованию, что исключает возможность прямого заимствования исследуемого зарубежного опыта.

В Финляндии Закон «Об электронном документообороте в судах» (The act on E-service in the courts) [190] вступил в силу с 1 февраля 2002 г. Несмотря на то, что практика электронного формата начала складываться несколькими годами ранее, именно данный правовой акт установил легальную эквивалентность электронного документа бумажному, а также определил круг субъектов, реализующих цифровой формат расследования: уголовная полиция, суды, прокуратура, пенитенциарные учреждения, судебные приставы. Годом позднее был издан Закон «Об электронной цифровой подписи» № 14/2003 [191]. При этом следует учитывать, что электронная цифровая подпись требуется только в определенных случаях, когда законом предусмотрены повышенные требования к идентификации документа и личности лица, его подписавшего. В целом же признается доказательственное значение и других форм электронного обмена информацией (факс, электронная почта (e-mail), электронный файл) с учетом того, что они отвечают необходимым требованиям, позволяющим их идентифицировать и установить подлинность информации.

В Великобритании соответствующие вопросы регламентированы в нескольких нормативных правовых актах. Так, в частности, увеличение случаев предоставления в качестве доказательства по делу электронных документов привело к тому, что еще в Закон 1988 г. «О криминальном правосудии» была включена поправка относительно того, что на предъявителя документа возлагаются дополнительные обязанности: должен доказать, что документ не был умышленно искажен (модифицирован), а также факт отсутствия возможного системного сбоя, который мог бы нарушить целостность документа. Использование видеоконференцсвязи в Великобритании (преимущественно для получения свидетельских показаний), в отличие от США, имеет ограничительный режим применения, хотя практически все суды технически оснащены: во-первых, требуется согласие допрашиваемого лица; во-вторых, суды применяют видеоконференцсвязь

преимущественно в делах, где участвуют несовершеннолетние или лица с ограниченными возможностями здоровья. Для сравнения: в Германии, как и в США, согласия лица на допрос посредством видеоконференцсвязи не требуется, равно как и отсутствуют другие ограничения по ее использованию.

В настоящее время электронное правосудие в Великобритании курируется специально созданной Службой Ее Величества. Однако следует отметить, что решение вопросов преимущественно связано с гражданским судопроизводством (Правила гражданского судопроизводства 1998 г. и Практические руководства к ним). Интенсивная экспериментальная программа электронного правосудия, включающая подачу иска в электронном формате, а также возможность в режиме реального времени отслеживать стадии продвижения дела в суде также были внедрены исключительно в сфере гражданского правосудия [192].

В свою очередь, в Испании вопросы электронного правосудия были решены посредством возможности использования данных, систематизированных тремя государственными программами информатизации: *Libra* (юстиция), *Corte* (суды), *Linde* (прокуратура) [193].

Свой вариант внедрения электронного правосудия сложился и в Норвегии, где в 1995 г. был образован специальный орган, на который возлагалась ответственность за внедрение интегрированной информационной системы. Данная система была нацелена на координацию деятельности по осуществлению уголовного правосудия, причем в нее изначально были включены суды и полиция [194, с.89].

Норвежский опыт деятельности специального органа для внедрения соответствующей системы заслуживает внимания с той точки зрения, что в подобном варианте предполагается изначально пропорциональный учет потребностей всех субъектов–пользователей ресурсами. Для сравнения: в Германии еще в 1970 г. была образована интегрированная юридическая информационная система *JURIS*, которая была разработана по инициативе Министерства юстиции Германии. Интересен тот факт, что «держателем» данной системы явилось коммерческое общество, что предоставляет равные возможности доступа к основным блокам юридически значимой информации для всех субъектов.

Достаточно высокой степенью интенсивности в плане внедрения электронного правосудия отличается практика государства Сингапур. Учитывая геополитический фактор, именно Сингапур стал одним из первых государств, который широко использовал видеоконференцсвязь как в судебных (так называемое «виртуальное правосудие»), так и в досудебных стадиях (коммуникации между лицами, пребывающими на территории различных стран). Приоритетный принцип деятельности судов Сингапура выражается своеобразной практической аксиомой: процедурные аспекты должны быть полезными для реализуемого процесса уголовного судопроизводства, в том числе и используемых технических ресурсов [195].

Для ускорения стадии принятия судебных решений суды Сингапура создали комплексный набор онлайн-правовых информационных систем, в частности:

- система «Law Net Legal Work bench», обеспечивающая интеллектуальный поиск информации по юридическим базам данных;

- база данных сотрудников судебных органов (JODB), включающая судебные рабочие документы и сборники, систему правил вынесения приговоров (SINGS);

- система ресурсов (IMPRESS), содержащая информацию о ранее принятых судебных решениях по делам, рассмотренным как в Верховном суде, так и подчиненными судами.

Для организационного механизма дел в электронном формате внедрена система «TICKS 2000», которая представляет собой специальный онлайн-интерфейс для правоохранительных органов, позволяющий осуществлять электронный обмен данными. Для пользователей, не имеющих своих собственных систем организации деятельности по делам, суды предоставляют удаленный доступ к «TICKS 2000», чтобы они могли регистрироваться и получать информацию о продвижении их дел в режиме реального времени. Внедрение системы «TICKS 2000» позволило направлять судебные документы в электронном виде, что заметно ускорило процедуру отправления правосудия.

Правоохранительная система Бельгии во многом восприняла опыт США и Сингапура в плане цифровизации досудебной деятельности. Так, с 2005 г. в Бельгии функционирует система электронного правосудия «Phenix». Вопрос аутентификации решается благодаря использованию электронного паспорта (e-ID). Целью проекта системы «Phenix» было преобразование различных компьютерных систем органов расследования преступлений и судебной системы в структурированное и согласованное единое информационное пространство [196]. Предполагалось, что через систему «Phenix» постепенно будет оцифрована вся правовая система, однако по причине значительных финансовых затрат задуманное до сих пор не удалось воплотить в реальность [197].

Несмотря на отсутствие официального перехода к электронному формату досудебного расследования на Украине, законодательство данного государства также содержит целый ряд предписаний, которые не только легитимизируют статус электронных документов, но и существенно облегчают процедуру их признания (верификации). Так, согласно ч. 2 ст. 104 Уголовно-процессуального кодекса Украины [198] (далее – УПК Украины), если допрос фиксируется с помощью записывающего устройства, то занесение текста в протокол является необходимым только в том случае, если кто-либо из участвующих в допросе лиц настаивает на этом (в остальных случаях достаточно лишь удостоверение соответствующей отметкой в протоколе). С другой стороны, ч. 6 ст. 107 УПК Украины допускает признание результатов процессуального действия и без использования технических средств фиксации (даже в тех случаях, когда такая фиксация является обязательной), если ни

одна из сторон против этого не возражает. В соответствии с ч. 9 ст. 232 УПК Украины допускается проведение допроса, опознания в режиме видеоконференции в ходе досудебного расследования с фиксацией соответствующих действий с помощью видеозаписи, то есть дублирование следственного действия в протоколе не требуется.

Следует обратить внимание, что в современной науке появляется все большее число сторонников непосредственного использования результатов информационных технологий в ходе досудебного расследования, в том числе и элементов электронного расследования [199], [200], [201], [202], [203]. Однако имеются и противники внедрения подобного рода технологий. Так, А.П. Рыжаков считает, что в досудебных стадиях такие решения недопустимы [204]. По данному вопросу Е.А. Желтухин полагает, что использование вышеуказанных технологий в ходе досудебного расследования нежелательно по причине следующих обстоятельств: реальные риски манипуляции со стороны сотрудников правоохранительных органов, своего рода «подсказки», элементы давления; возникновение «эффекта отсутствия», снижающего восприятие информации [205]. Однако преобладающей становится позиция, согласно которой развитие информационных технологий неизбежно потребует признания материалов, зафиксированных с помощью технических устройств [206]. Эти обстоятельства дают основание исследователям обосновывать целесообразность признания электронной формы деятельности по досудебному расследованию.

Как следует из изучения зарубежного опыта, для большинства зарубежных стран данный вопрос не представляет столь критического значения, как для стран, относящихся к романо-германской правовой системе (все страны постсоветского пространства). Современные ученые приводят различные аргументы в пользу аналогичной практики: способствование осуществлению досудебного расследования в разумный срок; удобство для участников (концентрация на диалоге); возможность последующей независимой оценки фактических данных; психологический комфорт, отсутствие скованности участников [207].

К примеру, в США каждый источник информации должен отвечать заданным критериям. В частности, аудиозапись оценивается судом на предмет «слышимости» (audibility) и «разборчивости» (intelligibility) [208]. Кроме того, принимая во внимание прецедентный характер американского права, в практике (на основании судебного решения по делу *Steve M. Solomon, Jr., Inc. v. Edgar*) в настоящее время учитываются следующие требования к аудиозаписи: техническое устройство должно обладать надлежащими характеристиками; голос на аудиозаписи должен быть идентифицирован; необходимо подтверждение того, что запись была произведена добровольно, без принуждения; требуются доказательства сохранности записи, ее защита от изменений и дополнений [209]. Исследователи также оценивают положительный опыт США по использованию в досудебном расследовании и судебном разбирательстве электронной корреспонденции [210]. К ней

предъявляются следующие требования: обязательное обнародование авторства; установление содержания соответствующей корреспонденции (учитывая нередко специфическую стилистику личной корреспонденции, может быть назначена лингвистическая экспертиза) [211, с.48].

Таким образом, анализ зарубежного опыта внедрения цифровых технологий в деятельность по досудебному расследованию и его сопоставление с законодательной практикой Республики Казахстан позволяет сделать следующие выводы:

1. Применение электронного формата в досудебном расследовании в большинстве стран связано с предварительной разработкой и апробацией информационных систем для обмена материалами уголовных дел между правоохранительными органами и судами. Данная практика характерна и для Республики Казахстан. Внедрение электронного формата неизбежно влечет за собой расширение технической составляющей процесса, легализацию новых методов получения и фиксации информации. Одним из наиболее востребованных средств является использование видеоконференцсвязи, где основное внимание уделяется не столько процессу легитимизации, сколько соблюдению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

2. Исследование зарубежного опыта показало, что успешное внедрение электронного расследования невозможно без научного обоснования, текущего мониторинга и прогнозирования возможных побочных эффектов от использования технических средств. В частности, в Республике Казахстан было бы целесообразно провести масштабное анкетирование практикующих сотрудников (аналогично опыту США и Канады) для оценки их отношения к внедрению электронного формата досудебного расследования. Это позволило бы выявить степень объективных и субъективных рисков реализации проекта и принять необходимые организационные решения.

3. Важным фактором при внедрении цифровых технологий в досудебное расследование для большинства стран является обеспечение «цифрового равенства» участников. Особого внимания заслуживает опыт Финляндии в области технической стандартизации информационных процессов. В Республике Казахстан данный аспект вызывает определенные проблемы, как минимум, с точки зрения различного уровня технической оснащенности подразделений ОВД. Зарубежная практика, например, Бельгии, показывает, что даже в экономически благополучных странах вопросы недостаточного финансирования таких проектов часто приводят к их приостановке или «замораживанию».

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ

§ 1. Совершенствование правового механизма деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате

Изменение всех сфер общественных отношений государства, без сомнения, направлено на дальнейшее демократическое преобразование общества и изменение подходов к защите прав, свобод и интересов граждан. Одним из ключевых элементов этой трансформации является, как известно, повышение качества работы правоохранительной системы. Это, в свою очередь, требует углубления и расширения научных исследований, направленных на изучение всех аспектов деятельности правоохранительных органов, выявление объективных причин существующих проблем и определение путей их устранения [212, с.219]. Понятие «правовой механизм», хотя и широко применяется в различных областях науки, всё ещё недостаточно полно раскрыто по своему содержанию. Обычно исследуются преимущественно особенности правового механизма в контексте конкретных общественных отношений, а не общее понятие этого явления. Существует мнение, что правовой механизм следует рассматривать не как набор отдельных средств, а как слаженную, чётко функционирующую систему [213, с.110].

Некоторые учёные, разумеется, понимают под правовым механизмом не просто совокупность правовых норм, обеспечивающих определённый процесс, а комплекс организационных отношений, в рамках которых применяются различные методы и правила [214, с.5]. Содержание понятия «правовой механизм» определяется через сопоставление его с термином «правовой режим» (учитывая, что их нередко отождествляют). Так, А.А. Долгополов трактует правовой механизм – «как «инструментальную субстанцию», которая может содержать и весьма обширный набор тех или иных правовых средств, но обеспечиваться правовой механизм может только посредством надлежащего правового режима» [215, с.50].

Зачастую понятию «правовой механизм» придается совсем иное значение, преимущественно отражающее содержательный, социально-ценностный аспект соответствующей деятельности. Как указывает Ю.С. Жариков, данное понятие, как правило, связывается с «системой правовых средств, то есть различных правовых явлений, задействованных в упорядочении общественных отношений и призванных обеспечить их нормальное функционирование» [216, с.43]. Таким образом, понятие «правовой механизм» должно позволять в каждом конкретном случае

показывать, как осуществляется или должно осуществляться правовое регулирование общественных отношений, возникающих по определенному поводу, позволять наметить пути развития законодательства и правоприменительной деятельности в любой исследуемой области [217, с.10].

Известный теоретик права С.С. Алексеев вывел концепцию, что при наличии трех основных типов регулирования общественных отношений – информационного, ценностно-ориентационного и правового – только правовое регулирование осуществляется посредством «особого, свойственного только праву механизма, призванного юридически гарантировать достижение целей, которые ставил законодатель, издавая или санкционируя юридические нормы» [218, с.146]. Фактически склоняясь к позиции, что правовой механизм представляет собой устоявшуюся традиционную систему, Б.В. Исаков делает прогнозы, что «зная механизм, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе. А значит, он в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев» [219, с.226].

Бесспорно, что прогнозирование процесса воплощения той или иной нормы в реальную действительность предполагает, что правоприменитель (в контексте нашего исследования – должностное лицо органа досудебного расследования) в рамках своего профессионального правосознания имеет более или менее значительный опыт по реализации соответствующих норм, чтобы в многообразии способов их реализации выявить закономерности.

Современные правоотношения, складывающиеся в процессе организации деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, требуют постановки вопроса о формировании правового механизма деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан в рамках электронного формата. Только в процессе становления и развития правового механизма возможно выявить закономерности, требующие совершенствования. Фактически к настоящему времени имеется лишь набор правовых предписаний, причем пока не находящихся в органическом единстве (о чем будет указано далее), а также начинающаяся складываться правоприменительная практика по их реализации.

В контексте анализа правового механизма деятельности органов МВД Республики Казахстан по досудебному расследованию учеными выделяются следующие институты права: «нормы уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальная правосубъектность, уголовно-процессуальные юридические факты, уголовно-процессуальные правоотношения, акты индивидуального регулирования, уголовно-процессуальное принуждение, правосознание» [220, с.8].

По мнению С.В. Шумилина, механизм реализации полномочий следователя представляет собой организованную в процессе мыслительной

деятельности следователя «динамическую систему», в которой каждый из образующих ее структурных элементов выполняет определенные функции по переводу правовых предписаний в конкретные действия [221, с.15].

Таким образом, правовой механизм деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, – это совокупность правовых предписаний (средств, инструментов), формирующих определенный порядок осуществления деятельности при производстве расследования в электронном формате, на основе которых могут приниматься соответствующие организационные решения [222, с.170].

В контексте исследования нами отмечается, что речь должна идти фактически о двух взаимодополняющих элементах правового механизма деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: 1) полнота (достаточность) правовых предписаний по вопросам обеспечения расследования в электронном формате (этот аспект преимущественно относится к собственно правовому инструментарию); 2) непротиворечивость имеющейся нормативной правовой базы (то есть согласованность, отсутствие коллизий, пробелов).

Анонсируя внедрение элементов электронного расследования в деятельность органов предварительного следствия России, С.Т. Фаткулин, указывает, что «для использования процессуальных документов, несущих более доказательственную информацию, есть основания предполагать, что это создаст в уголовном процессе проблему, схожую с легализацией материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности» [223, с.41].

Возможность использования электронных документов существенно ограничена по целому ряду обстоятельств. Во-первых, при производстве комплекса следственных действия (в частности, с участием понятых) само применение электронной цифровой подписи становится проблематичным по той причине, что соответствующий участник может не иметь (и не обязан постоянно иметь при себе) носитель цифровой подписи. Во-вторых, существенное отличие собственноручной и электронной подписи, которое можно характеризовать как процесс «обезличивания», поскольку принято считать, что посредством собственноручной подписи лицо подтверждает правильность изложенной информации и свое отношение к ней [224, с.76].

В целом данное обстоятельство требует отдельного внимания. Так, собственноручная подпись имеет свойство отражать не только набор графических символов, но и указывает на эмоциональное состояние ее автора (в частности, расположение слов в тексте, качество исполнения, прерывистость текста и т.д.). Кроме того, исследователи справедливо подчеркивают, что для судебного разбирательства имеет преимущественное значение оценка первоисточника доказательства [225, с.205].

Приведенные мнения авторов сводятся к доводу, что данное обстоятельство служит подтверждением, что элементы электронного

расследования в отношении сведений удостоверяющего, фиксирующего характера имеют более противоречивые формы, нежели в отношении документов, аналитически-познавательного профиля.

При этом казахстанский законодатель, учитывая позицию ученых и практиков, усовершенствовал процедуру удостоверения факта участия участников уголовного производства в следственных действиях посредством замены стандартной электронной цифровой подписи на планшет подписи. Согласно подпункту 8 п. 3 Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате под планшетом подписи понимается специализированное периферийное устройство, состоящее из графического планшета и пишущего пера (стилус), позволяющее создавать цифровой аналог рукописной подписи ее владельца.

Важно обратить внимание, что одним из центральных элементов, вокруг которого должен формироваться соответствующий правовой механизм деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, является понятие «электронное уголовное дело». В юридической литературе термин «электронное уголовное дело» понимается как информационная система, в которой хранится цифровая информация, отражающая материалы уголовного дела с высоким уровнем безопасности [226, с.32].

Таким образом, функционирование правового механизма деятельности органов МВД Республики Казахстан, осуществляющих досудебное расследование в электронном формате, требует отсутствия коллизий в законодательном регулировании указанной сферы.

Здесь необходимо констатировать два возможных структурных элемента правового механизма. Во-первых, это нормативные правовые акты, непосредственно регулирующие соответствующую область отношений. В настоящее время к данным нормативным правовым актам можно отнести только Инструкцию Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. Во-вторых, совокупность законодательного массива Республики Казахстан, составляющего так называемое «правовое поле» по вопросам осуществления электронного расследования в деятельности МВД Республики Казахстан.

Первым нормативным правовым актом, регулирующим вышеуказанную деятельность, стал Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-ІІ «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [227], так как одним из элементов электронного расследования преступлений является электронный документооборот между правоохранительными органами и иными органами государственной власти. Электронный документооборот в первую очередь нацелен на оптимизацию правоохранительной деятельности.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» принципами электронного

документооборота, осуществляемого в государственных и негосударственных информационных системах, являются:

1) принцип функционирования различных систем электронного документооборота;

2) принцип использования электронных документов в любых сферах деятельности, где применяются информационно-коммуникационные технологии для создания, обработки, хранения и передачи данных;

3) принцип передачи электронных документов с использованием любых информационных систем.

На основании изложенного следует признать, что процитированная норма носит «разрешительный» характер, она санкционирует возможности электронного документооборота в любой сфере.

В Законе Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» закреплено понятие «электронный документ», как документа, в котором «информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи» (п. 12 ст. 1).

Данная дефиниция действует с момента принятия соответствующего нормативного правового акта. Вместе с тем ст. 7 «Требования к электронному документообороту» Закона Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» претерпела существенные изменения со времени первоначальной редакции. Так, изначально она имела следующую формулировку: «Электронный документ может быть создан, передан, сохранен и подан электронными средствами. Электронный документ, соответствующий требованиям настоящего Закона, равнозначен документу на бумажном носителе».

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. 419-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информатизации» редакция соответствующей части ст. 7 Закона Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» была изменена: «Электронный документ, соответствующий требованиям настоящего Закона и удостоверенный посредством электронной цифровой подписи лица, имеющего полномочия на его подписание, равнозначен подписанному документу на бумажном носителе» [228].

Таким образом, можно выделить два основных момента: во-первых, была изначально признана равная юридическая сила электронного и бумажного документа; во-вторых, произошел перенос акцентов со способов формирования, передачи и хранения документа на вопросы его верификации (удостоверение электронной цифровой подписью и исключительно уполномоченным на подписание лицом).

В соответствии с п. 16 ч. 1 ст. Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» понятие электронной цифровой подписи определяется следующим образом: «электронная цифровая подпись – набор

электронных цифровых символов, созданный средствами электронной цифровой подписи и подтверждающий достоверность электронного документа, его принадлежность и неизменность содержания». Непосредственное воспроизводство электронной цифровой подписи осуществляется с помощью открытого или закрытого ключа электронной цифровой подписи.

Открытый ключ электронной цифровой подписи – это последовательность электронных цифровых символов, доступная любому лицу и предназначенная для подтверждения подлинности электронной цифровой подписи в электронном документе. В свою очередь, закрытый ключ электронной цифровой подписи определяется как «последовательность электронных цифровых символов, предназначенная для создания электронной цифровой подписи с использованием средств электронной цифровой подписи». В соответствии с ч. 2 ст. 10 Закона Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» закрытые ключи электронной цифровой подписи являются собственностью лиц, владеющих ими. Лицо может иметь закрытые ключи электронной-цифровой подписи для различных информационных систем. Закрытые ключи электронной цифровой подписи не могут быть переданы другим лицам.

Другой нормативный правовой акт, непосредственно касающийся вопросов обеспечения информационно-коммуникационного пространства в Республике Казахстан, – это Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V «Об информатизации» [229]. Данный Закон также можно отнести к элементам «правового поля» в контексте электронного формата досудебного расследования. Вместе с тем терминология законодательного акта свидетельствует о том, что им регулируются общественные отношения исключительно в сфере предоставления государственных услуг: п. 61 ст. 1 содержит дефиницию «субъекта получения услуг в электронной форме»; п. 62 ст. 1 – дефиницию «субъекта оказания услуг в электронном формате».

Таким образом, без соответствующих законодательных изменений данный нормативный правовой акт к сфере досудебного расследования фактически применен быть не может.

Аналогично прописано и в Государственной программе «Цифровой Казахстан», утвержденной Правительством Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 [230], что в качестве существующих проблем, непосредственно связанных с правовыми вопросами, обозначается только необходимость электронного сопровождения нормативных правовых актов, согласование позволило бы гражданам принимать участие в законотворческой деятельности. Вопросы цифровизации правоохранительной деятельности в данном документе не освещаются.

Отталкиваясь от правил о юридической силе нормативных правовых актов, необходимо обратиться к Постановлению Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 «Об утверждении правил документирования, управления документацией и использования систем

электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях» [231], поскольку в соответствии с Законом Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах» [232] нормативные правовые акты, такие как Постановления Правительства Республики Казахстан, обладают более высокой юридической силой, нежели приказы руководителей ведомств центральных государственных органов (в исследуемом вопросе – Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате).

Параграф 5 Постановления Правительства Республики Казахстан «Об утверждении правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях» регламентирует блок вопросов системы электронного документооборота, не получивших отражения в Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате.

В ходе исследования правового регулирования рассматриваемой сферы были выявлены недостатки в следующих требованиях: отсутствие разграничения прав доступа к электронным документам участников системы электронного документооборота; обязанность участников системы электронного документооборота хранить в тайне содержание закрытых (секретных) ключей средств электронной цифровой подписи, а также обеспечивать сохранность носителей электронной цифровой подписи; осуществление синхронизации времени на компьютере с эталонным временем; запрет на использование на рабочих компьютерах программ, которые нарушают функционирование средств электронной цифровой подписи (в том числе и вирусы).

В цитируемом Постановлении Правительства Республики Казахстан «Об утверждении правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях» также детализируются понятия, которые имеют значение для организации деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан в электронном формате. Так, в частности, приводится понятие электронной копии документа – это «документ, полностью воспроизводящий вид и информацию (данные) подлинного документа в электронно-цифровой форме».

В пунктах 16 и 17 ч. 5 гл. 1 Постановления Правительства Республики Казахстан «Об утверждении правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях» даются определения понятий «бумажная копия электронного документа» и «подлинник электронного документа». Так, бумажная копия электронного документа трактуется как «документ на бумажном носителе, полученный посредством вывода информации (данных реквизитов) из электронного подлинника, имеющий полностью воспроизводящую информацию подлинного

электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью, созданной с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи, и все его реквизиты или их часть и заверенная лицом, обладающим полномочиями на заверение данного документа» (п.16 Постановления).

В свою очередь подлинник электронного документа определяется как «документ, удостоверенный (подписанный) электронной цифровой подписью, созданной с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи, сформированный изначально в формате электронного документа и не имеющий бумажного исходного подлинника» (п. 17 Постановления).

Таким образом, следует констатировать, что в деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, фактически действуют четыре автономных типа документов:

- 1) традиционный бумажный документ, изначально созданный в бумажном варианте;
- 2) бумажный документ, являющийся копией электронного документа;
- 3) электронный документ, отражающий информацию в цифровой форме и заверяется электронной цифровой подписью (служит копией оригинала бумажного документа);
- 4) оригинал электронного документа, изначально подготовленного в электронном формате с электронной цифровой подписью (создан с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи).

Акцентирование внимания на необходимость использования сотрудниками органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан закрытого ключа электронной цифровой подписи вполне обосновано, поскольку, как отмечают исследователи проблемы, закрытый ключ необходим для создания своей подписи под документом, а открытый – только позволяет проверить существующую электронной цифровой подписью (ее подлинность), но не предоставляет возможности подписать документ от имени собственника закрытого ключа [233, с.13].

Закрытый ключ, – пишет С.С. Хачатурова, – находится у его обладателя, что обеспечивает высокую секретность ключей, а открытый ключ распространяется всем пользователям системы, чтобы они могли осуществлять проверку подлинности полученных документов и подписей [234, с.61].

В научных работах подчеркивается, что сам по себе закрытый ключ электронной цифровой подписи фактически является своеобразным гарантом законности электронной цифровой подписи, поскольку открытый ключ формируется на основе сопоставления с генерированным закрытым ключом (фактически значение открытого ключа сводится к функции проверки подлинности подписи) [235, с.52].

Дополнительным условием служит так называемая «криптостойкость» электронной цифровой подписи, которая уязвима с точки зрения атак с

использованием открытого ключа, а также с выбором подписанных сообщений [236, с.109].

Материалы досудебного расследования требуют максимальной степени защищенности от возможности несанкционированных дополнений, изменений, искажений. Однако действующее законодательство Республики Казахстан не предполагает дифференциацию «уровней» электронной цифровой подписи.

Для сравнения: приведем Федеральный закон Российской Федерации от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [237], где в ст. 5 устанавливаются два вида электронной цифровой подписи: простая и усиленная. Усиленная подпись имеет две разновидности – неквалифицированную и квалифицированную. Если простая подпись необходима для того, чтобы удостовериться, что документ исходит от конкретного лица, то усиленная электронная цифровая подпись позволяет не только идентифицировать лицо, подписавшее документ, но и установить факт внесения в него изменений с момента создания. В свою очередь, особенности квалифицированной усиленной подписи заключаются в том, что проверка ее подлинности осуществляется на основе квалифицированного сертификата, выдаваемого специализированным органом.

Вопросы защиты электронной цифровой подписи по причине все большего распространения ее использования стали предметом диссертационных исследований, причем они изучаются не только в рамках юридических, но и смежных областей знаний [238], [239], [240], [241]. Так, С.В. Щеголева полагает, что ст. 5 Федерального закона Российской Федерации «Об электронной подписи» должна быть дополнена техническими требованиями к ее созданию и использованию [242].

Однако вопросы обеспечения защиты электронной цифровой подписи следует решать в первую очередь имеющимися в арсенале правовыми механизмами. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 640 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях [243] устанавливается административная ответственность за незаконную передачу закрытого ключа электронной цифровой подписи другим лицам (в данном случае употребление дефиниции «незаконное» является избыточным, поскольку Закон «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» содержит прямой запрет на его передачу).

Вместе с тем сфера досудебного производства по причине введения электронного формата достаточно уязвима с точки зрения несанкционированного доступа к системе. В отличие от собственноручной подписи, подделка которой на различных документах требует повышенных усилий в силу необходимости неоднократного ее тиражирования, использование чужого закрытого ключа может позволить заверить значительное количество документов, что приведет к фальсификации материалов.

Соответственно, данные случаи следует рассматривать как частный вариант совершения деяния, предусмотренного ст. 416 УК РК «Фальсификация доказательств и оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов». Кроме того, предлагаем в ст. 384 УК РК «Незаконное изъятие документов, похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие документов, штампов, печатей» предусмотреть закрытый ключ электронной цифровой подписи в качестве альтернативного предмета соответствующих действий.

Известные сложности возникают в плане международного сотрудничества в деятельности по досудебному расследованию. Так, в Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате указывается, что необходимость направления материалов дела в иностранное государство служит основанием для изменения электронного формата и перевода уголовного дела в бумажный вариант (п. 22).

Вопросы включения материалов уголовного дела, поступивших из иностранного государства в электронном формате, в цитируемую Инструкцию Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате не регламентируются. При этом Модельным законом стран СНГ «Об электронной цифровой подписи», принятым на 16-м планерном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, «допускается представление суду данных, подписанных электронной цифровой подписью и заверенных Центром регистрации» [244].

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 28 декабря 2017 г. № 128-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информации и коммуникаций» [245] ст. 5 Закона Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» была дополнена п. 5-3 следующего содержания: «доверенная третья сторона Республики Казахстан – информационная система, осуществляющая в рамках трансграничного взаимодействия подтверждение подлинности иностранной электронной цифровой подписи и электронной цифровой подписи, выданной на территории Республики Казахстан».

Как указывают исследователи, «электронные цифровые подписи, созданные иностранными средствами, можно в свою очередь разделить на требующие прохождения процедуры легализации и не требующие прохождения процедуры легализации» [246, с.10]. Данный вопрос, безусловно, находится еще в стадии апробации, поскольку все законодательные изменения имеют непродолжительную историю, равно как и введенный электронный формат в деятельность органов, осуществляющих досудебное расследование в Республике Казахстан.

В специальных разработках по рассматриваемому вопросу выражается мнение, что в рамках трансграничного электронного оборота стран ЕАЭС

имеются разного уровня законодательной регламентации вопросы, стандарты электронных документов [247, с.242].

Определенные вопросы возникают относительно заложенных непосредственно в Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате потенциальных сложностей, связанных с изменением формата деятельности по досудебному расследованию. В частности, в п. 17 Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате регламентируются два профиля объединения уголовных дел:

- 1) дела, ведущиеся в электронном формате;
- 2) дела, имеющие разную форму досудебного расследования.

При принятии любого организационного решения (перевод соединенных дел в общий электронный формат или, наоборот, в бумажный) устанавливается общий максимальный временной промежуток – не более 24 часов.

Согласно положениям Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате «по усмотрению лица, ведущего уголовный процесс, допускается переход с электронного на бумажный формат в случае возникновения нештатных (к примеру, отсутствие электроэнергии, связи, доступа к модулю «Электронное уголовное дело») или чрезвычайных ситуаций, но не ранее чем по истечении двадцати четырех часов, с момента возникновения такой ситуации» (п. 22). Перевод на бумажный формат происходит посредством распечатывания материалов электронного уголовного дела. При этом оригиналы документов, скан-копии которых были включены в электронное уголовное дело, изымаются из места их хранения и приобщаются к делу. В свою очередь, перевод на электронный формат производится посредством сканирования соответствующих документов в PDF-формате и производством дальнейших мероприятий по его фиксации в информационной системе.

В обоих случаях работа весьма трудоемкая, причем требование по производству ее в течение не более 24 часов свидетельствует о необходимости (в особенности, если материалы представлены значительным объемом документации) существенных временных затрат. Исходя из положений Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате ведение досудебного производства в «смешанном формате» не допускается, что логично с точки зрения необходимости обеспечения последующего архивирования уголовного дела.

Вместе с тем необходимо признать: во-первых, указанные обстоятельства, по причине которых допускается изменение формата расследования, могут быть неоднократного характера, а во-вторых, в практике имеются сложные, многоэпизодные дела, по которым вопросы соединения (выделения) уголовных дел могут возникать на протяжении всей стадии досудебного расследования.

В науке неоднократно поднималась проблема о дифференциации производств на стадии досудебного расследования в зависимости от сложности уголовного дела, в частности, предлагалось выделение простой и сложной форм производства по уголовному делу [248, с.67]. В этих ситуациях возникает вопрос, насколько соответствующие процедуры будут способствовать достижению цели сокращения сроков досудебного расследования. Как указывают казахстанские ученые А.Н. Ахпанов и З.Г. Казиев, «...разумными (целесообразными) считаются сроки, объективно необходимые для выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Превышением разумного срока следует считать задержки, которые могли быть предотвращены органом, ведущим уголовный процесс, при надлежащем производстве по делу» [249, с.69].

Переход с одного формата на другой не следует оценивать именно как «задержки», препятствующие достижению оптимальных сроков. Надлежащий правовой механизм деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, предполагает отсутствие противоречий между данным вопросом и основополагающими элементами деятельности. Соответственно, совмещение бумажного и электронного форматов не должно порождать сложных, дополнительных затруднений. Напротив, цифровизация деятельности по досудебному расследованию опосредуется именно с ускорением различных процедур.

В условиях сегодняшнего времени имеются все основания для возможного правового регулирования и разработки алгоритма организации деятельности по совмещению электронного и бумажного форматов в течение определенного срока, например месяца или даже до конца стадии досудебного расследования. При этом предполагается, что окончательные материалы уголовного дела должны быть сведены к единому формату – бумажному либо электронному. Данное предложение в полной мере соответствует положению о равнозначности электронного и бумажного вариантов документа. Здесь необходимо признать, что не только завершенное уголовное дело будет иметь равную юридическую силу, равную значимость, вариант документа – электронный или бумажный – обладает соответствующими признаками.

Если при приоритетном функционировании бумажного формата электронный документ расценивался исключительно в качестве доказательства по уголовному делу, то в настоящее время вся документация по уголовному делу приобретает форму электронных документов. Соответственно, электронные файлы, не подкрепленные электронной цифровой подписью, содержащие информацию, имеющую значение для досудебного расследования, в настоящее время именоваться как «электронный документ» не могут. Требуется использование иной дефиниции, в частности «документы в электронной форме». Однако в большей степени имеет значение вопрос об определении электронного процессуального документа, поскольку

не вся документация, из которой формируются материалы уголовного дела, относится к процессуальным документам.

Значимость статуса «процессуальный документ» неоднократно подчеркивалась в теории и практике, поскольку предполагается, что без предусмотренных законом процессуальных документов фактически нет и уголовного дела [250, с.472]. Закон устанавливает такую форму документов, которая позволяет оценить зафиксированное им действие с точки зрения содержания и соблюдения законности [251, с.103]. Иногда понятия «процессуальный документ» и «процессуальный акт» разграничиваются, причем в качестве второго определяются так же документы, составляемые защитником по уголовному делу [252, с.28].

Следует подчеркнуть, что основополагающий признак понятия «процессуальный документ» – это факт его составления должностным лицом органа уголовного преследования или судом. Значимость приобретают и процедурные вопросы, в частности, процессуальный документ определяется как «материальный объект, содержащийся в материалах уголовного дела, на котором зафиксированы сведения, имеющие значение для уголовного дела, надлежаще удостоверенный и приобщенный» [253, с.194].

Общепринято, что процессуальным следует считать тот документ, который непосредственно отражает содержание деятельности уполномоченных субъектов и в обязательном порядке влечет за собой возникновение соответствующих отношений [254, с.28]. По мнению Н.М. Николаевой, «письменность – обязательное условие предварительного расследования по уголовному делу, всех его форм и этапов» [255, с.8].

Таким образом, если иметь в виду фиксацию информации на определенном носителе (то есть оценивать письменность как противоположность устному, вербальному действию), то введение практики электронного формата расследования существенным образом не меняет данного положения. К электронному процессуальному документу предъявляются также и дополнительные требования: он должен быть таким, «чтобы копию этого документа можно было выдавать прямо из системы, не сомневаясь в его подлинности» [256, с.12].

Важным отличительным признаком электронного документа является то обстоятельство, что если в традиционном бумажном документе реквизиты и содержание неразрывно связаны между собой, то в электронном документе каждая из этих составляющих относительно самостоятельна, что предопределяет особенности процедуры их составления, обработки, передачи и хранения [257, с.59]. В настоящее время в отношении реквизитов документов возникли дополнительные вопросы (преимущественно, в случае неизбежных случаев совмещения форматов). В научной литературе уже представлены суждения о возможности и целесообразности возвращения к практике оформления бумажных документов на бланках законодательно установленного образца [258, с.85].

Пункт 12 Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате диктует: «...при создании электронных документов лицо, ведущее уголовный процесс, использует имеющиеся в Едином реестре досудебных расследований шаблоны, но при этом формирует текст документа самостоятельно». Соответственно, с точки зрения необходимой аутентичности бумажных и электронных документов возникает вопрос о необходимости шаблонов (бланков) документов, которые составлялись бы на бумажном носителе. Поскольку независимо от степени возрастания объема электронного производства в досудебном расследовании к настоящему времени весьма затруднительно представить возможность полного отказа от бумажной формы, то указанный вопрос приобретает высокую степень актуальности.

Подводя итоги проведенного исследования, можно выделить следующие выводы, касающиеся оценки правового механизма деятельности должностных лиц органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате.

1. Правовой механизм функционирования органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан в электронном формате представляет собой совокупность нормативно-правовых предписаний и инструментов, регламентирующих порядок осуществления расследований. Данные предписания обеспечивают возможность принятия обоснованных организационных решений. Хотя правовые механизмы для электронного и бумажного форматов считаются формально равнозначными, на практике наблюдается преимущество традиционного бумажного формата по уровню стабильности.

2. Для совершенствования правового механизма функционирования органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан в электронном формате необходимо:

– адаптировать положения Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате в соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703, регулирующим правила документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота, что включает установление четких регламентов для должностных лиц по сохранению конфиденциальности ключей электронной цифровой подписи, обеспечению синхронизации системного времени и предотвращению использования программного обеспечения, угрожающего безопасности цифровой подписи;

– ввести четкую классификацию типов документов: 1) традиционные бумажные документы, изначально созданные в бумажном формате; 2) бумажные копии электронных документов; 3) электронные документы, представляющие собой цифровые копии бумажных оригиналов, заверенные электронной цифровой подписью; 4) оригинальные электронные документы,

изначально созданные в электронном формате с использованием электронной цифровой подписи;

– разработать усовершенствованные варианты квалифицированной электронной цифровой подписи, которые не только идентифицируют автора, но и гарантируют неизменность документа после его подписания.

Данные меры позволят устранить существующие ограничения, вызванные невозможностью одновременного использования бумажного и электронного форматов, что может сократить трудозатраты и повысить эффективность досудебного расследования.

§ 2. Организационное обеспечение деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате

На сегодняшний день Республика Казахстан активно реализует новую практику досудебного производства в электронном формате. Ведомственные нормативные акты и их правоприменение в данном контексте, особенно в рамках Инструкции Генеральной прокуратуры Республики Казахстан по ведению уголовного судопроизводства в электронном формате, показывают заметное опережение по сравнению с общегосударственными нормативными актами.

Согласно инициативе 4.11 Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года, обозначенной как «Цифровизация правоохранительных органов и судов», указано, что уголовные, гражданские и административные дела в Республике Казахстан будут постепенно переводиться в электронный формат [259]. Работа органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, проводимых в электронном формате, является наглядным примером внедрения «сервисной модели» правоохранительной деятельности.

Эксперты обоснованно утверждают, что досудебное производство, даже в условиях цифровизации, не может быть полностью приравнено к другим государственным услугам, предоставляемым гражданам, поскольку оно имеет выраженный публичный характер и неизбежно включает элементы принуждения [260, с.92].

Вместе с тем прослеживается заметное смещение акцентов в сторону повышения подотчетности деятельности правоохранительных структур. Как указывают казахстанские исследователи зарубежного опыта, «на сегодняшний момент времени доминирующей идеологией правоохранительных органов зарубежных стран в отношениях с обществом является так называемая концепция коммунально-ориентированной деятельности полиции. Термин «Community policing» трактуется как признание и одобрение роли общества в оказании влияния на философию организационной деятельности полиции» [261]. Данная модель успешно функционирует сегодня в США, ряде

европейских стран, на территории постсоветского пространства. Первыми, начиная с 2004 г., ее внедрили и апробировали в Грузии.

Внедрение сервисной модели правоохранительной деятельности в Республике Казахстан, стартовавшее с опубликования ежегодного Послания Президента Республики Казахстан от 5 октября 2018 г. [262], получило непосредственное отражение в Дорожной карте по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы (далее – Дорожная карта). В Дорожной карте значительные по объему блоки организационных мероприятий связаны с повышением уровня и качества взаимодействия правоохранительных органов с населением (в частности, за счет создания фронт-офисов, региональных мобильных приложений и т.д.), формированием положительного имиджа полиции и правоохранительной системы в целом [263]. Следует отметить, что вопросы электронного расследования на стадии досудебного производства фактически не отражены в данном документе. Вместе с тем в п. 34 Дорожной карты содержится указание на ежегодные мероприятия по автоматизации деятельности органов внутренних дел, которые должны существенно снизить имеющиеся коррупционные риски.

Мы разделяем точку зрения И.А. Громова, предостерегающего от абсолютизации цифровых технологий в качестве антикоррупционного механизма, поскольку они являются лишь инструментом, но не системным решением вопроса [264, с.174]. Относительно теории организационной деятельности Р.Р. Алиуллов и другие ученые [265, с.112], [266, с.70], [267, 80], в своих исследованиях, посвященных деятельности правоохранительных органов, раскрывает основные элементы организационного механизма: системность; целостность; целенаправленность; интегральность; функционально-структурный признак и признак наличия принципов функционирования. Обозначенные элементы нашли свое отражение в организационной составляющей электронного производства.

Позитивные результаты от внедрения электронного формата в деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан широко анонсировались Генеральной прокуратурой Республики Казахстан. Так, в частности, к первой группе «позитивных ожиданий» преимущественно относили экономию временных и трудовых затрат, упрощение коммуникационных процедур; получение и непосредственное использование необходимой информации из доступных информационных ресурсов без их дублирования на бумажном носителе и т.д. [268, с.8]. Вторая группа положительных результатов, непосредственно связанных с анализируемой деятельностью, включала следующие критерии: повышение уровня защищенности конституционных прав граждан; сокращение сроков расследования и получение электронных санкций; прозрачность уголовного дела и минимизация рисков его фальсификации; системный ведомственный контроль и прокурорский надзор; экономия средств [269].

Российские ученые в аналогичном ключе приводят такие положительные тенденции, как экономия временных и материальных затрат, компактность

хранения материалов дела, возможность длительного хранения, упрощение процедуры устранения технических ошибок и др. [270], [271], [272].

К настоящему этапу внедрения электронного формата следует особо отметить такое процессуальное действие, как дистанционное (посредством видеоконференцсвязи) применение меры пресечения в виде содержания под стражей, которое согласно ст. 147 УПК РК санкционируется судом. Уже на стадии пилотного проекта по внедрению электронного формата расследования в системе МВД Республики Казахстан именно электронное санкционирование содержания под стражей получило оперативное внедрение, апробацию и положительную оценку [273]. Действительно, в данном случае достаточно наличия технической возможности организовать видеоконференцсвязь и предоставить соответствующие материалы, характеризующие совершенное уголовное правонарушение и лицо, его совершившее.

Справедливо предсказывал еще в конце 90-х гг. XX в. Лорд Вульф, что «информационные технологии в недалеком будущем станут основой судебной системы, в связи с чем в настоящее время необходимо уделить им повышенное внимание» [274]. Как положительную тенденцию следует выделить существенную экономию кадровых, материально-технических и финансовых ресурсов. Например, практически отпадает необходимость использования спецтранспорта, что снижает затраты на топливо, работу водителей спецтранспорта и конвоиров. Кроме того, подозреваемый (обвиняемый, подсудимый, осужденный) перестает испытывать на себе нередко чрезмерные меры стигматизации, связанной с фактом совершенного им уголовного правонарушения [275, с.12].

Именно поэтому в научных трудах обосновывается целесообразность использования видеоконференцсвязи, одной из составных элементов электронного расследования, не только в стадии судебного разбирательства, но и в ходе досудебного расследования [276, с.19], [277, с.107]. Данное обстоятельство можно оценить, как положительный элемент выстраиваемой «сервисной» модели правоохранительной деятельности. В мировой практике «сервисная модель» известна в качестве передового опыта работы полицейской службы [278, с.137], которая распространяется не только на законопослушных граждан, но и на лиц, в отношении которых ведется досудебное и судебное производство.

К позитивному результату можно отнести и систему SMS-оповещений участников процесса, посредством которой сохраняется известная степень конфиденциальности их личной жизни. Внедрение практики SMS-оповещений привело также к экономии материальных ресурсов должностных лиц органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан (ранее эти затраты никак не компенсировались).

В настоящее время отправка соответствующего оповещения осуществляется непосредственно через Единый реестр досудебных расследований, а также посредством моментального уведомления по бесплатному номеру 1012.

В российской практике, несмотря на то обстоятельство, что деятельность по досудебному расследованию по-прежнему осуществляется в бумажном формате, уже неоднократно ставился вопрос об использовании видеоконференцсвязи в ходе проведения целого ряда следственных действий. Предложения выносились на уровне законопроекта по внесению изменений в УПК РФ, который, к сожалению, был отклонен в первом чтении [279]. При этом в повседневной деятельности судебные органы Российской Федерации используют возможности видеоконференцсвязи при отправлении правосудия. В частности, согласно ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ «суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи». В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» закреплено, что в целях технического обеспечения прав граждан на участие в судебных заседаниях и повышения уровня доступности правосудия необходимо использовать возможности видеоконференцсвязи [280].

Особенно проявляется значимость соответствующих нововведений в отношении расследования преступлений, имеющих трансграничный характер [281, с.110]. Некоторые авторы предлагают использовать соответствующие технические возможности для проведения следственных действий, где источником информации являются лица–участники [282, с.128], другие ученые считают, что такие способы могут быть применены практически ко всем следственным действиям [283, с.95]. Так, В.И. Качалов и О.В. Качалова справедливо полагают, что возможности видеоконференцсвязи позволяют проводить с ее помощью не только допрос и очную ставку, но и в ряде случаев освидетельствование и предъявление для опознания [284, с.36].

Однако, как показывает казахстанская практика, необходимо поступательное решение рассматриваемого вопроса. Принципиальным решением, с которого фактически стартовало внедрение электронного формата досудебного расследования в МВД Республики Казахстан, стало введение практики электронной регистрации сообщений об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований и отказ от стадии возбуждения уголовного дела.

Некоторые российские исследователи указывают на необходимость отказа от стадии возбуждения уголовного дела и внедрения казахстанской практики в деятельность правоохранительных органов Российской Федерации, что приведёт к минимизации практики принятия решения по усмотрению следователя [285], [286], [287], [288]. Важно обратить внимание, что в целом субъектный состав системы электронных средств обмена информацией, представляющей собой составной элемент досудебного расследования в электронном формате, не претерпел существенных изменений. Так, исключительными полномочиями в отношении всего хода досудебного расследования в электронном формате в системе МВД Республики Казахстан по-прежнему обладает следователь. Все движение электронных материалов в

модуле «Электронное уголовное дело» определяется на основе принимаемых им организационных и процессуальных решений по уголовному делу.

Кроме того, доступ к электронной системе в режиме реального времени установлен в отношении суда и прокуратуры, а также для граждан (участников процесса) и адвокатов. Данное нововведение свидетельствует об оптимизации стадии надзорного производства, позволяющего в режиме реального времени осуществлять надзор за действиями должностных лиц.

Для обратной связи с участниками досудебного производства разработан и включен в информационную систему веб-портал «Публичный сектор». Доступ к нему имеется на официальном сайте Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в котором могут подаваться заявления, ходатайства, жалобы, быть получены копии процессуальных документов, а также происходить процесс ознакомления с материалами уголовного дела. Масштабность нововведения потребовала многих организационных решений, которые, в частности, касались поэтапного внедрения электронного формата досудебного расследования в МВД Республики Казахстан. Так, до повсеместного введения электронного формата (с января 2018 г.) в трех регионах Республики Казахстан (Павлодарская, Западно-Казахстанская и Жамбыльская области) был реализован пилотный проект с одноименным названием «Электронное уголовное дело» сроком на 7 месяцев (июнь–декабрь 2017 г.).

Апробировались две принципиально самостоятельные формы электронного формата досудебного расследования в МВД Республики Казахстан. Первая из них основывалась на электронном расследовании (фактически внедренная модель). Вторая – это использование видео- и аудиоприложений основных процессуальных действий. В отношении второй модели признано, что требуется детальная проработка вопроса с целью оптимизации процесса использования (оценки, воспроизводства, хранения) соответствующих материалов (например, отдельная синхронизация по времени тех или иных моментов следственного действия, которая позволит ускорить процесс ознакомления с записью). Мы полагаем, что для пилотного проекта оправданно были выбраны регионы, отдаленные от административных центров Республики Казахстан (г.г. Нур-Султан, Алматы), которые чаще всего становятся «площадкой» для правоприменительных и иных экспериментов. Кроме того, существует вполне заметный географический диапазон (соответствующие регионы находятся в значительном отдалении друг от друга) [289].

Целесообразность пилотных проектов не вызывает сомнения. Так, в частности, российские исследователи выступают за запуск аналогичных проектов «Электронное уголовное дело» в отдельных регионах России [290]. Некоторые авторы предлагают и собственные варианты программ внедрения электронных уголовных дел в российский уголовный процесс [291].

В целях оптимизации деятельности органов предварительного расследования Российской Федерации допускается имплементирование

имеющегося опыта органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате. Для этого необходимо внесение соответствующих поправок и дополнений в действующее российское законодательство, а также в нормативные правовые акты, непосредственно регламентирующие деятельность органов предварительного расследования Российской Федерации.

Нами предлагаются внесение следующих дополнений:

1) в «Дорожной карте» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. предусмотреть расширение правовых институтов цифровизации правоохранительной деятельности, которые позволяют:

– разработать пилотный проект «Электронное уголовное дело» и апробировать его в отдельных субъектах Российской Федерации;

– создать «Публичный сектор», позволяющий участникам уголовного дела в режиме реального времени отслеживать движение уголовного дела;

2) в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» закрепить расширение доли использования в правоохранительной сфере цифровых технологий;

3) в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации внести изменения и дополнения, позволяющие:

– осуществлять фиксацию хода и результатов процессуальных, следственных и иных действий с применением информационных технологий и сохранять полученные результаты в электронно-цифровом виде;

– использовать дистанционные формы при производстве по уголовному делу (видеоконференцсвязь, дистанционный допрос);

– осуществлять сбор и хранение материалов уголовного дела в электронном виде.

Поэтапный характер внедрения в деятельность должностных лиц органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан электронного формата сохраняется до настоящего времени. Так, на первоначальной стадии (2018 г.) в электронном формате производилось досудебное расследование в отношении уголовных проступков и преступлений небольшой тяжести. Весьма показательным стал 2019 г. реализации нововведения, поскольку в данный год ведение дела в электронном формате было распространено на преступления средней тяжести, которые ежегодно составляют подавляющий объем всех регистрируемых уголовных правонарушений в стране. Именно в 2019 г. обнаружилось подавляющее большинство организационных недостатков, констатируемых должностными лицами к настоящему времени. В перспективных планах законодателя заложено расширение использования электронного формата до тяжких и особо тяжких уголовных дел.

Специфика деятельности органов МВД Республики Казахстан, осуществляющих досудебное производство, заключается так же и в том, что в подавляющем большинстве случаев требуется получение (истребование)

информации из других инстанций (запросы в органы, проводящие необходимые экспертизы, наркологические и психиатрические диспансеры).

При планировании внедрения модуля «Электронное уголовное дело» изначально предполагалось, что модуль обязательно должен быть интегрирован с соответствующими правоохранительными информационными системами.

Одной из наиболее заметных в контексте коэффициента интеграции различных баз данных государственных органов к настоящему времени является Система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов, разработка которой осуществлялась несколько лет назад (2011–2013 г.г.), а в качестве разработчика выступила Генеральная прокуратура Республики Казахстан.

Согласно Правилам использования Системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов [292] «основанием для получения информации из Системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов является запрос, с указанием номера уголовного, гражданского, административного, розыскного дела и исполнительного производства» (п. 4 Правил).

Система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов содержит значительные внутренние фильтры, определяющие субъекта и объем возможной (доступной) к получению информации. Так, к примеру, для следователей МВД Республики Казахстан система осуществляет работу по запросам в рамках уголовного дела, административного дела и первичной проверки. Любой запрос подлежит проверке оператора через сопряженные информационные системы: в частности, в рамках уголовного дела через указанный следователем номер будет осуществлена проверка в Едином реестре досудебных расследований. Имеется фильтр и в отношении перечня доступных через Систему информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов серверов, количество которых к моменту издания приказа составляло 79 наименований. Они позволяют получать разноплановую информацию, начиная с персональных данных и заканчивая различными системами учета.

В данном контексте можно отметить, что исследователи еще в начале 2000-х годов в качестве одной из стратегических задач указывали возможность обеспечить информационное превосходство органов уголовного преследования над преступностью [293, с.114]. Аналогична и судебная информационная система «Төрелік», которая в рамках электронного формата досудебного расследования преимущественно нужна для виртуальной коммуникации с судами. Данная система также была апробирована как пилотный проект в Жамбылской области. Проект был запущен с 1 января 2015 г. в соответствии с протокольным поручением Председателя Верховного Суда Республики Казахстан от 15 ноября 2014 г.

Как показывают аналитические обзоры судебных работников высшей судебной инстанции Республики Казахстан, информатизация судебной деятельности, как правило, базируясь на положительном опыте зарубежных стран, всегда предшествует введению электронного формата в производстве по уголовным делам [294].

Однако запланированная интеграция с информационными системами учреждений судебных экспертиз и учреждений наркологического и психиатрического учетов до сих пор не реализована должным образом. При этом следует отметить, что даже при самых благоприятных прогнозах внедрения электронного формата в деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан не предполагается гипотетическая возможность тотального перехода исключительно на электронный формат. То есть к концу намеченного срока внедрения электронного формата досудебного расследования (2025 г.) прогнозируется лишь заметное изменение пропорций между первоначальным этапом внедрения (70 % сканированного материала и только 30 % первичных электронных документов) и окончательным этапом (30 % сканированного материала и 70 % первичных электронных документов). Действительно, целый ряд документов будет сохранять вид бумажного носителя, скорее всего, еще достаточно долго (в частности, документы, удостоверяющие личность, акты гражданского состояния, собственноручные расписки физических лиц, характеристики с места работы и др.). Хотя в науке и высказываются предположения о возможности тотальной цифровизации, Н.Д. Эриашвили и Г.М. Бутбая считают, что в настоящее время в России цифровизация в ракурсе оптимального сочетания между экономикой и правом отсутствует [295, с.65]. Мы, напротив, считаем, что в Российской Федерации имеется большой потенциал внедрения и использования информационных технологий в деятельности органов предварительного следствия. При этом немаловажную роль в этом может сыграть наработанный опыт правоприменительной практики Республики Казахстан.

В ходе исследования был выявлен значительный комплекс обстоятельств, которые можно причислить к недостаткам организационного механизма внедренного электронного формата в деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан. Как указывалось в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы, необходимо «обеспечивать стабильность кадровой политики, повышать требования к квалификации и дисциплине сотрудников правоохранительных органов» [296].

В свою очередь, Концепция кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан от 31 декабря 2013 г., утвержденная Указом Президента Республики Казахстан «О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан» [297] дополняет, что «условием содержательной трансмиссии кадровой политики должен остаться не только принцип преемственности наработанного опыта, но и мобильности и оперативности на основе инновационных кадровых технологий».

Таким образом, необходим соответствующий симбиоз опыта и гибкости в восприятии инноваций. Существенный разрыв в соотношении численности опытных специалистов и молодых кадров следственных подразделений не может быть воспринят иначе, как весьма тревожный сигнал.

Форсирование внедрения электронного формата досудебного расследования может сопровождаться превалированием значения тех или иных показателей, свидетельствующих об объеме внедрения, над принципом целесообразности того или иного формата в конкретном уголовном деле.

Изначально «временной фактор» расценивался как один из ведущих при принятии решения о цифровизации. Вместе с тем, как показало исследование, данные «элементы ускорения» нивелируются значительным набором «элементов торможения». «Тормозящие» факторы – это преимущественно незапланированные недостатки, дефекты, сбои и другие просчеты, которые стали обнаруживаться при непосредственном внедрении электронного формата досудебного расследования. Нередко должностному лицу приходится принимать управленческое решение о фиксации того или иного действия в бумажном формате с последующей оцифровкой документа и прикреплением его к модулю «Электронное уголовное дело».

В числе положительных факторов, влияющих на деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, установлено влияние оперативности ознакомления с материалами уголовного дела вышестоящих лиц и надзорных органов. Данный положительный результат изначально прогнозировался разработчиками модуля «Электронное уголовное дело» и был ожидаемым. В полной мере соответствует данному оптимизационному критерию и указание респондентов на более удобный формат предоставления материалов уголовного дела в прокуратуру и суд, возможность оповещения участников процесса посредством SMS-сообщений.

Таким образом, следует признать, что в настоящее время основной оптимизационный аспект концентрируется в рамках взаимодействия должностных лиц, непосредственно вовлеченных в деятельность по досудебному расследованию.

Прогнозируемая разработчиками проекта цель снижения рисков фальсификации материалов уголовного дела достаточно слабо подтверждена результатами проведенного исследования. Российские исследователи также активно анонсируют именно данный позитивный аспект электронного обеспечения при расследовании преступлений [298, с.588]. Мы полагаем, что электронный формат обладает значительным потенциалом для снижения рисков фальсификации, но его нельзя абсолютизировать. Как совершенно справедливо пишут исследователи, что «должностные лица могут создать ложные источники или намеренно исправить, неточно закрепить получаемые в ходе расследования сведения» [299, с.10], а данные действия могут быть реализованы и в условиях осуществления досудебного расследования в электронном формате.

Одним из первых прогнозов негативного плана при внедрении информационных систем всегда возникает опасность возможности сбоев в системе, обусловленных как внешними факторами (например, перебои с электроэнергией), так и внутренними проблемами операционных систем (сбой, «зависания», незапланированное изменение формата текста, кодировки и т.д.). Таким образом, основные проблемы, помимо необходимости расширения информационных коммуникаций с отдельными органами и учреждениями, в настоящее время сконцентрированы в структуре информационного модуля «Электронное уголовное дело». Мы полагаем, что в связи со значительным количеством возникающих затруднений обобщения всех частных проблем использования модуля должны иметь систематический характер. Сами дефекты должны исследоваться в тестовом режиме, а их устранение предшествовать любому последующему этапу внедрения электронного формата досудебного расследования. Не подвергая повторной детализации все проблемные аспекты, полагаем, что они самым существенным образом способны отразиться на качестве изучения материалов уголовных дел. Вынужденная толерантность к возникающим погрешностям (недостаткам, дефектам, ошибкам и т.д.) не может допускаться на протяжении длительного времени. Кроме того, закономерен прогноз и в отношении некоторых иных сложностей, выявленных в ходе исследования.

Одним из значимых аспектов следует признать возможность участия в электронном формате досудебного расследования лиц, содержащихся под стражей. В данном случае имеется в виду как работа в «Публичном секторе» на сайте Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, так и ознакомление с материалами уголовного дела. Исследователи подчеркивают значимость данного «информационного» права участников процесса, «получения ими установленного законом объема сведений, необходимых для реализации своих прав и законных интересов организуемой и обеспечиваемой должностным лицом, в производстве у которого находится уголовное дело» [300, с.9].

До настоящего времени проблемы в рамках электронного формата возникали не столь часто по той причине, что в соответствии с ч. 1 ст. 147 УПК РК содержание под стражей применяется только к лицам, совершившим преступления, за которые предусмотрено наказание свыше 5 лет лишения свободы (то есть за тяжкие и особо тяжкие преступления). В отношении других категорий преступлений данная мера пресечения применяется только в отдельных случаях, непосредственно указанных в ст. 147 УПК РК. В Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее – СИЗО), утвержденных 26 июля 2017 г., отсутствует какое-либо упоминание о возможности арестованных лиц пользоваться Интернет-ресурсами [301]. Исключение только в отношении видеоконференцсвязи с судом (хотя и этот вопрос в Правилах не прописан).

В настоящее время процесс ознакомления содержащихся под стражей лиц производится следователем, который должен подготовить рапорт на имя начальника СИЗО о проносе ноутбука. Данное решение вряд ли можно признать удовлетворительным. Во-первых, это приводит к возрастанию трудозатрат должностных лиц органов досудебного расследования. Во-вторых, имеются риски ущемления прав подследственных лиц в отношении времени и объема ознакомления с материалами уголовного дела. Соответственно, данный вопрос требует оптимального разрешения. Безусловно, требуется исключение доступа арестованных к другим Интернет-ресурсам, а также недопущение режима работы СИЗО (например, путем установления промежутка времени в течение, которого предоставляется соответствующий доступ). Данные проблемы должны быть решены в оперативном режиме и получить отражение в Правилах внутреннего распорядка СИЗО.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно выделить следующие выводы:

1. Переход к электронному формату в деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан является частью процесса создания «сервисной» модели правоохранительных органов. Этот переход не устраняет властно-принудительный характер уголовного преследования, но значительно уменьшает его внешние проявления, направленные на повышение прозрачности, удобства для участников и снижение временных и трудовых затрат.

2. Модель электронного формата деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан можно описать как специализированную систему электронного документооборота. Эта система включает в себя создание, использование, обработку, передачу и хранение электронных и оцифрованных документов. Реализация системы обеспечивается должностными лицами, использующими модуль «Электронное уголовное дело», интегрированный с другими информационными системами правоохранительных органов. Основу системы составляют первичные электронные документы (оригиналы) и оцифрованные копии бумажных документов. Это целевая модель, на которую направлены существующие организационно-правовые механизмы.

3. Поэтапное внедрение электронного формата в работу органов досудебного расследования (2018–2025 гг.) привело к созданию «переходной» модели, которая в настоящее время не полностью соответствует планируемой окончательной модели.

4. Основные преимущества внедрения электронного формата заключаются в упрощении коммуникаций, повышении оперативности контроля и надзора органов прокуратуры, а также в возможности быстрого включения в материалы дела данных из интегрированных информационных систем. Однако текущий уровень интеграции этих систем еще не достиг запланированных целей.

5. На текущей стадии внедрения электронного формата досудебного расследования, особенно в случаях тяжких преступлений, существует проблема интеграции лиц, находящихся под стражей, в цифровое пространство. Ограниченный доступ к интернет-ресурсам для таких лиц создает значительные неравенства в правах по сравнению с другими участниками расследования и увеличивает временные и трудовые затраты следователей, вынужденных выполнять процесс на своих служебных компьютерах. Это требует внесения изменений в нормативные акты, регулирующие деятельность СИЗО.

6. Внедрение электронного формата досудебного расследования повышает прозрачность процесса и снижает временные и трудовые затраты. Однако для полноценного внедрения необходимо преодолеть текущие проблемы с доступом к интернет-ресурсам для лиц, находящихся под стражей, и продолжить совершенствование интеграции информационных систем.

§3. Научно-методическое обеспечение деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате

Интеграция электронного формата в деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан не изменяет качественно-содержательный и социально-ценностный аспект этой деятельности, но оказывает значительное влияние на ее структурные компоненты. Если рассматривать эту деятельность как разновидность трудовой, она включает те же структурные элементы, что и любой другой вид труда: труд, предмет труда и средства труда [302, с.358], [303, с.27]. Применительно к правоохранительной деятельности, труд представляет собой все профессиональные действия, связанные с проведением досудебного расследования; предмет труда включает конкретное уголовное дело и его материалы; средства труда охватывают условия, необходимые для осуществления этой деятельности, включая технологические и организационные аспекты.

Следовательно, электронный формат внедрения влияет не только на организационные процессы, но и на общую эффективность досудебного расследования. Электронный документооборот обеспечивает более быструю обработку и передачу информации, что сокращает временные затраты на каждое расследование. Это позволяет должностным лицам уделять больше внимания аналитическим и следственным действиям, повышая качество и точность работы. Технологические средства, такие как автоматизированные системы управления делами и цифровые подписи, также улучшают контроль и мониторинг за ходом расследований, снижая риск ошибок и фальсификаций. Более того, интеграция информационных систем правоохранительных органов создает единую платформу для обмена данными, что способствует более эффективному сотрудничеству и координации между различными

ведомствами. Таким образом, с точки зрения предложенной систематизации, электронный формат следует отнести к средствам труда, поскольку он лишь обеспечивает выполнение соответствующей деятельности в отношении предмета труда органов досудебного расследования.

Вопросам научно-методического обеспечения профессиональной юридической деятельности (в том числе и деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате) не уделяется достаточного внимания. С учетом многих изученных факторов современное состояние нововведения можно оценивать в качестве переходного этапа. Как показали результаты проведенного исследования, существующие проблемные моменты исключают возможность признать завершенной стадию внедрения электронного формата даже в отношении уголовных проступков, преступлений небольшой или средней тяжести.

Исследованию категории и понятия научно-методического обеспечения правоохранительной деятельности посвящено множество научных работ [304], [305], [306], [307], [308]. Так, А.Э. Жалинский считает, что под научно-методическим обеспечением профессиональной деятельности следует понимать совокупность двух основных направлений: текущее научно-методическое сопровождение соответствующей профессиональной деятельности (применительно к уже работающим специалистам) и вопросы подготовки будущих специалистов (т.е. непосредственно процесс обучения) [309, с.64]. Мы считаем, что эти два направления в современных условиях весьма проблематичны. Так, учитывая критический объем технических и организационных затруднений, речь может идти о стабилизации ситуации, проведении мероприятий коррекционного характера в оперативном режиме.

К текущему научно-методическому сопровождению правоохранительной деятельности, в том числе органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, стоит отнести:

1) институты повышения квалификации и уровня профессиональной подготовки сотрудников органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, по нашему мнению, их модернизация может проявляться:

- в повышении уровня информационного обеспечения деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан;
- в повышении информационной грамотности, позволяющей осуществлять профессиональную деятельность в информационных системах;
- в привитии самостоятельных умений и навыков работы в модуле «Электронное уголовное дело».

2) оказание научно-методической помощи в рамках комплексных инспекционных проверок в территориальных подразделениях системы МВД Республики Казахстан;

3) совершенствование научно-методического обеспечения деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, в рамках проведения занятий по правовой и служебной подготовке;

4) инициативную деятельность сотрудников органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, которая, по нашему мнению, выражается:

– в участии в организации и проведении научно-представительских мероприятий различного уровня для всестороннего изучения, рассмотрения и проработки вопросов научно-методического обеспечения правоохранительной деятельности;

– в написании и опубликовании научных трудов по наиболее актуальным вопросам научно-методического обеспечения правоохранительной деятельности.

Относительно вопросов подготовки будущих специалистов органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, то в данной ситуации это исключительно перспективная постановка проблемы.

Любое инновационное решение, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности, проходит стадии внедрения: моделирование, прогноз, выработка программы (проекта), разработка системы критериев оценки эффективности, собственно само непосредственное внедрение, правовое оформление, расширение соответствующей практики (в случае достижения стабильных положительных результатов).

Традиционным представляется такой подход, в рамках которого изначально проводятся фундаментальные исследования (обычно участвует группа авторов-разработчиков – так называемые «рабочие группы»). К разновидности такого подхода в контексте исследуемой проблемы можно отнести научный проект «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий», реализуемый научным коллективом кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина [310, с.70].

Альтернативный подход выражается в более форсированном внедрении и апробации новых методов деятельности, минуя длительную подготовительную стадию теоретической проработки. Фактически это – метод пилотных проектов, который активно используется в казахстанской практике. Следует признать, что многие пилотные проекты в сфере информатизации правоохранительной деятельности, инициированные Генеральной прокуратурой Республики Казахстан на протяжении последних лет, имеют положительный опыт последующего внедрения соответствующих информационных систем (Система информационного обмена правоохранительных и специальных органов; Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях; электронный проект «Айкын» для приема сообщений и заявлений граждан в государственные органы и др.) [311, с.66].

Пилотный проект призван продемонстрировать жизнеспособность того или иного нововведения и возможности расширения соответствующей практики на другие регионы, участки деятельности, процессы и т.д. В Республике Казахстан пилотные проекты отражают современные тенденции такого явления, которое в правовой теории принято именовать «правовой эксперимент». Правовой эксперимент выступает одним из видов социально-экспериментальной деятельности и имеет своей целью проверку гипотезы об эффективности и целесообразности тех или иных нововведений, преобразований, реформ. Разновидностью правового эксперимента является правотворческий эксперимент, заключающийся в опытной проверке гипотезы об эффективности той или иной модели правового регулирования в какой-либо ограниченной области [312, с.13].

Исследователи выявляют некоторые общие тенденции правовых экспериментов в последние годы: перенос отраслевых акцентов с фундаментальных на более прикладные направления; заметное снижение внимания к научному обеспечению; возрастание значения политических факторов при принятии соответствующих решений; рост числа комплексных социально-правовых экспериментов [313, с.7]. В целом казахстанская практика отвечает современным тенденциям правового эксперимента, а необходимость внедрения положительного опыта отмечена в стратегических документах, касающихся цифровизации. Безусловно, нельзя полностью исключать фактор научного обоснования в случае с экспериментальным внедрением электронного формата в деятельность органов досудебного расследования. В частности, анализ положительного опыта зарубежных стран также является элементом научного обоснования.

Система научно-методического обеспечения должна быть основана на эффективных и достоверных методах. К сожалению, сегодня в данном направлении все выглядит недостаточно благополучно. Например, массив формируемой и обобщаемой информации по актуальной практике применения электронного формата имеет фактически двусторонний характер исследования. С одной стороны, сами следователи, должностные лица и руководители органов досудебного расследования являются субъектами исследования, поскольку они в ежедневном режиме сталкиваются с теми или иными проблемами, решение которых до настоящего времени не отработано. Фактически это своего рода эвристический метод познания, который предполагает процесс ежедневного изучения внедренной информационной системы. При этом следует отметить, что эвристический метод обычно рассматривается как метод обучения, а не как метод профессиональной деятельности [314, с.266]. Безусловно, каждый последующий этап работы в рамках электронного формата обусловлен оценкой предшествующего опыта. Однако, как показало проведенное исследование, диапазон встречающихся у сотрудников затруднений достаточно широкий.

Что же касается другой стороны, то есть «внешнего» исследования со стороны лиц, которые являются руководителями (модераторами)

функционирования модуля «Электронное уголовное дело», то направление их исследовательской работы преимущественно основано на эмпирическом методе (сборе фактического материала). Ценность эмпирических исследований признается достаточно высокой, поскольку «в качестве доказательств они обладают значительной силой, а значит способны опровергать существующие ценности и мнения, изменять правовую систему» [315, с.14]. Однако эмпирический метод сам по себе является лишь способом сбора информации, подтверждения (опровержения) тех или иных фактов, гипотез.

Таким образом, учитывая преобладание указанных методов, есть все основания утверждать, что внедрение электронного формата в деятельность органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан по-прежнему находится в стадии эксперимента. Если признать данную стадию экспериментальной, то и система научно-методического обеспечения неизбежно будет иметь отличия. Так, возможны технические корректировки, приостановка эксперимента до решения тех или иных проблем и т.д., то есть фактически допустимы временные мероприятия регрессного характера.

По понятным причинам консультирование в режиме реального времени, в частности посредством call-центра, для сотрудников органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан более предпочтительно, нежели методические рекомендации, указания, инструкции и т.д. Как определяется в научных исследованиях, «call-центр – специализированная организация или выделенное подразделение в организации, занимающиеся обработкой обращений и информированием по голосовым каналам связи в интересах организации-заказчика или головной организации» [316, с.14]. Как и в сфере экономических отношений, здесь возможны модели так называемого аутсорсинга, то есть упрощенного варианта привлечения внешней организации для оказания тех или иных консультационных услуг [317, с.122].

В данном случае следует учитывать, что консультационные услуги фактически будут иметь характер технической помощи (разглашение данных самого досудебного расследования, конечно же, недопустимо), а техническую поддержку сможет оказать и специалист, непосредственно не связанный с консультируемой деятельностью. В отличие от большинства call-центров прогнозировать значительное количество звонков от сотрудников органов досудебного расследования (как в реальных секторах экономики), конечно же, не приходится. При грамотной организации call-центра возможно достижение многих других положительных результатов, помимо прямого консультирования. Так, в частности, возможна отправка SMS-оповещений относительно алгоритма решения часто возникающих проблемных ситуаций, что позволит оперативно корректировать правоприменительную практику. Кроме того, информация по запросам, поступающим в call-центр, может подлежать оперативному обобщению и систематизации.

Обеспечение наиболее эффективного функционирования электронного формата досудебного расследования невозможно без выработки новых

стандартов обучения специалистов, подготавливаемых к работе в органах досудебного расследования МВД Республики Казахстан. В сегодняшних условиях цифровизации процесса досудебного расследования кардинально возникает вопрос о пересмотре структуры необходимых компетенций (знаний, умений, навыков) будущих специалистов. Так, диссертационные исследования начала 2000-х гг. научно обосновали модель специалиста следователя, которая «должна включать в себя следующие элементы: идейно-мировоззренческие качества; совокупность профессиональных знаний; совокупность умений и навыков практической деятельности; психофизиологические качества; состояние здоровья» [318, с.10]. Многие авторы в своих работах обосновывают необходимость более жесткого отбора кандидатов на занятие соответствующих должностей с учетом квалификационных требований и профессиограммы [319], [320], [321], [322]. Так, в частности, имеются даже прямые рекомендации к тому, чтобы на законодательном уровне устанавливать запрет назначения на должности в сфере досудебного расследования без специального обучения или подготовки [323, с.11].

Мы солидарны с мнением исследователей, которые приводят в качестве одного из обязательных элементов системы научно-методического обеспечения такой элемент, как готовность к применению соответствующих научных инноваций, методик, что обеспечивается только совокупным решением организационных, правовых, научно-технических и методических проблем [324, с.9].

В отдельных исследованиях, связанных с внедрением информационных технологий в деятельность по досудебному расследованию, на протяжении долгого времени сохраняется футурологический взгляд, который отражает возможные ближайшие или отдаленные перспективы развития соответствующего направления. Подобные прогнозы оправданы и не лишены оснований, поскольку они отражают существующие тенденции. Так, неоднократно высказывались мнения о необходимости использования математических и кибернетических программ при расследовании преступлений [325, с.7], о применении информационных технологий для получения тех или иных вероятностных данных, которые могут способствовать раскрытию и расследованию преступлений, например, в информационном моделировании личности неустановленного преступника [326, с.7] и др. Значительный объем научных разработок проводится и в контексте проблемы цифровой формализации права, то есть приведения всего нормативного правового материала к цифровому единству (вплоть до перевода текста в математические формулы), что должно способствовать устранению дисгармонии в различных документах, а также позволит устранить языковые барьеры и решить целый ряд задач другого порядка [327, с.41].

В разрезе данного исследования следует отметить, что информационные процессы в рамках деятельности по досудебному расследованию фактически могут дифференцироваться на две основные составляющие:

1) использование информационных технологий для решения задач досудебного расследования преступлений (интегрированных информационных систем учета, специальных программ по идентификации личности, поисковых информационных систем и др.);

2) внедрение информационных технологий в качестве формы фиксации материалов уголовного дела (исследуемый электронный формат досудебного расследования).

Причем в обеих плоскостях необходимо достижение поставленного уровня «цифровой компетентности». Как справедливо отмечает Ю.И. Грибанов, в вопросах цифровизации при соответствующих трансформационных процессах имеются определенные элементы дуализма: первоначально осуществляется оцифровка существующих ресурсов и только в последующем создаются сетевые сервисные платформы для взаимодействия пользователей цифровых технологий [328, с.7].

В формировании системы научно-методического обеспечения деятельности по осуществлению досудебного расследования в электронном формате следует принимать во внимание довод, что сущностное содержание деятельности, связанной с досудебным расследованием, не меняется, а лишь приобретает новые характеристики, требующие углубления и дифференциации профессиональных компетенций. Перевод деятельности по досудебному расследованию в электронный формат лишь изменяет форму документооборота материалов уголовного дела, но не отменяет ее.

Соответственно, требования к грамотному, аргументированному и полному оформлению процессуальных документов в рамках уголовного дела остаются на прежнем уровне. Как ранее указывалось в предыдущем параграфе, существующая в настоящая время толерантность к качеству документов, формируемых в рамках модуля «Электронное уголовное дело», не может иметь длительного свойства. Совершенно справедливо обосновывают авторы тезис, что академическая грамотность является «институциональной обязанностью университетов и входит в более общую концепцию новой грамотности, второй составляющей которой является цифровая грамотность» [329, с.7]. Таким образом, цифровая грамотность – это лишь дополнение к иным профессиональным компетенциям, она представляется значимой, но не базовой.

Деятельность по досудебному расследованию в системе МВД Республики Казахстан не осуществляется изолированно от иных общественных процессов. Так, в социологических исследованиях последних лет на тему цифровизации общества, доказывається, что к настоящему моменту следует вести речь о заметном «цифровом неравенстве», обусловленном различными факторами – возрастными, региональными, мотивационными, профессиональными и иными [330, с.8].

Мы полагаем справедливым утверждение, что информационно-цифровое неравенство способно усилить другие негативные факторы, приводящие к той или иной дискриминации. В ходе настоящего исследования поднимался

данный вопрос в рамках анализа потенциальных организационных рисков при внедрении электронного формата досудебного расследования. Здесь весьма значимым обстоятельством становится недопущение возможности их дискриминации по признаку информационно-цифрового неравенства.

Правовые, организационные, технические дефекты электронного формата досудебного производства могут быть отнесены исключительно к издержкам деятельности должностных лиц органов досудебного расследования, однако эти недостатки не должны негативно отражаться на участниках уголовного судопроизводства. Следовательно, необходимо в рамках основных документов, регламентирующих данную деятельность, внести соответствующие дополнения. Так, в перечень обязанностей должностных лиц, осуществляющих досудебное производство в электронном формате, следует включить обязанность принятия мер по недопущению дискриминации лиц по признаку информационно-цифрового неравенства.

Кроме того, при подготовке научно-методической документации (рекомендаций, алгоритмов, инструкций и др.) также стоит уделить внимание данному вопросу. В частности, необходимы рекомендации по работе с гражданами с учетом объективно имеющегося информационно-цифрового неравенства. Данное направление деятельности должно стать одним из приоритетных. В этом плане совершенно справедливы замечания исследователей относительно того, что любая трансформация деятельности по досудебному расследованию в любой отдельно взятый момент должна следовать принципу гармоничного сочетания элементов принуждения и обеспечения прав и законных интересов граждан [331, с.236].

Одним из приоритетных направлений научно-методического обеспечения досудебного расследования в электронном формате должна стать сбалансированная практика подготовки будущих специалистов МВД Республики Казахстан. Очевидно, что информационная подготовка требуется не только для тех лиц, чья деятельность связана с преступностью в сфере высоких технологий (киберпреступностью), но и для каждого сотрудника МВД Республики Казахстан. Данное предложение также является актуальным и для правоохранительных органов Российской Федерации, которые в своей повседневной деятельности расследуют уголовные дела в сфере высоких технологий.

Мы разделяем мнение О.Е. Никитиной, что сегодня должна идти речь об обязательном формировании информационной культуры будущих сотрудников полиции [232, с.27]. Совершенно справедливо замечание ученых, что информатизация различных сфер профессиональной деятельности приводит к тому, что возрастает интеллектуализация соответствующей деятельности и как следствие возрастают и требования к информационной культуре сотрудников [333, с.47].

Соответственно, структура профессиограммы, и такого ее элемента как профессионально значимые качества, которые необходимы сотруднику органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, претерпевает

существенные изменения. Так, если к началу 2000-х гг. исследователи выставляли как наиболее значимые качества следователя творческое мышление, коммуникативную компетентность, психологическую устойчивость [334], то сейчас речь идет уже о более широком наборе профессионально значимых качеств, включая и такое, как «цифровая компетентность».

Понятие «цифровая компетентность» в отношении работников органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан до сих пор теоретически не разработано; оно преимущественно связано с вопросом противодействия киберпреступности, в частности с умением выявлять так называемые «цифровые следы» и работать с ними [335, с.8]. Сложившаяся ситуация вполне объяснима, в том числе и в контексте повсеместной динамики роста преступлений, связанных с использованием информационных технологий. Так, согласно сведениям Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. преступления Интернет-мошенничеств выросли в 15 раз [336]. Поэтому в разрезе текущей ситуации, связанной с внедрением электронного формата в деятельность органов досудебного расследования, сегодня вопрос о цифровой профессиональной компетентности остро стоит на повестке дня.

Таким образом, речь преимущественно должна идти о формировании таких уровней профессионально значимых качеств органов досудебного расследования, как «цифровая профессиональная компетентность» и «цифровая профессиональная культура». В научных трудах, посвященных проблемам подготовки будущих специалистов как МВД Республики Казахстан [337, с.103], так и МВД России [338, с.80], [339, с.76], неоднократно поднимался вопрос о том, что теоретическая насыщенность преподаваемых дисциплин не гарантирует формирование необходимых навыков и умений у будущих специалистов, в том числе и при подготовке руководящих кадров. В этой связи внедряются различные практики интенсификации обучения, целью которых является формирование практико-ориентированных умений и навыков.

Мы полагаем, что в данном ракурсе особое значение приобретает создание специализированного полигона, на котором имелась бы возможность отработки соответствующих навыков (т.е. фактически обучающей информационной системы, которая была бы практически идентична работе в модуле «Электронное уголовное дело»). Результативность обучения на полигоне уже давно получила признание у профессорско-преподавательского состава ведомственных образовательных организаций и практических работников [340, с.21], [341, с.81], [342, с.54]. Результаты работы на полигоне более объективны, они мобилизуют усилия обучающегося, требуют от него концентрации, оперативного мышления, быстрого принятия решения. До настоящего времени в формате полигона преимущественно оценивались

только различные варианты инсценировок, связанные с использованием тех или иных материальных объектов.

В плане «материальных» полигонов создаются специфические затруднительные факторы, которые можно избежать в рамках предлагаемого автором информационно-коммуникационного полигона «Электронное уголовное дело». К таким факторам следует отнести затратность «материальных» полигонов, сложности с моделированием более или менее значительной вариативности ситуаций и некоторые другие. При этом необходимо подчеркнуть: именно ситуационный характер формулируемых задач (т.е. максимальная дифференциация приближенных к реальной практической деятельности факторов и обстоятельств) способствует развитию необходимых профессиональных умений и навыков [343, с.36].

Динамика изменений, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов, закономерно ставит вопрос о формировании системы так называемого «опережающего» обучения, при котором процесс обучения будет в максимальной степени приближен к тем реальным ситуациям, которые могут возникнуть в практической деятельности [344, с.276]. Так, по результатам проведенных специальных исследований обучающиеся до проведения занятий с использованием полигонов зачастую переоценивают свои возможности, очевидно, отталкиваясь от уровня теоретической подготовки [345, с.363].

Следовательно, именно через моделирование можно снизить различные адаптационные риски в последующей профессиональной деятельности. Так, для зарубежного опыта подготовки полицейских характерен отказ от традиционных форм итоговых экзаменов обучающихся с применением «полигонного» метода, т.е. оценки поведения в условиях учебной имитации практической ситуации (с видеофиксацией выполняемого задания) [346, с.176].

Мы полагаем, что создание информационно-коммуникационного полигона «Электронное уголовное дело», в котором была бы полностью имитирована работа в модуле «Электронное уголовное дело», используемого в деятельности по досудебному расследованию преступлений, является положительным решением. К сожалению, как уже ранее указывалось, в Дорожной карте модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы фактически не запланированы мероприятия по повышению цифровой компетентности сотрудников. Однако следует пояснить, что в данном документе (п. 17) предусматривается переход к форме обучения по принципу «полицейских академий», что предполагает весьма сжатые сроки подготовки будущих сотрудников на базе уже имеющегося образования [347]. Это свидетельствует о необходимости максимально быстрой подготовки и адаптации будущих сотрудников к профессиональной деятельности. Безусловно, информационно-коммуникационный полигон не может заменить иных («материальных») полигонов, а лишь должен являться элементом комплексной подготовки. Таким образом, разработка соответствующей

обучающей программы должна стать одним из направлений научно-методического обеспечения деятельности по электронному формату досудебного расследования МВД Республики Казахстан.

Исследованные в данном параграфе вопросы позволяют сделать следующие выводы:

1. Научно-методическое сопровождение деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, работающих в электронном формате, обладает уникальными особенностями, связанными с переходным этапом внедрения. Современные методы в основном направлены на стабилизацию как технических компонентов системы «Электронное уголовное дело», так и самой практики электронного досудебного расследования. Экспериментальный характер внедрения допускает возможность временного замедления процесса для корректировки и адаптации.

2. Научно-методическое сопровождение электронного досудебного расследования МВД Республики Казахстан в целом соответствует современным тенденциям правовых экспериментов в правоохранительной сфере. Модуль «Электронное уголовное дело» является инновационной и более сложной информационной системой, что вызывает значительные трудности в её использовании.

3. Научно-методическое сопровождение работы органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан в электронном формате включает два ключевых направления: поддержку практической деятельности и улучшение подготовки будущих сотрудников. Важные мероприятия включают оперативное устранение технических проблем в модуле «Электронное уголовное дело», регулярное предоставление методических рекомендаций и возможность получения консультаций в реальном времени. Необходимо создание специализированного call-центра для методической поддержки сотрудников.

4. Развитие «профессиональной цифровой компетентности» у будущих сотрудников требует увеличения практической составляющей обучения. Оптимальным решением является внедрение в образовательный процесс тренировочного полигона «Электронное уголовное дело», который позволит обучающимся приобретать необходимые навыки и умения для будущей профессиональной деятельности методом учебной имитации.

Заключение

В условиях ускоренной цифровизации всех сфер общественной жизни, включая уголовное судопроизводство, становится особенно актуальным изучение правовых и организационных основ деятельности органов досудебного расследования, осуществляемых в электронном формате. В Республике Казахстан органы МВД все активнее внедряют современные информационно-коммуникационные технологии в свою работу, что требует детального анализа существующей нормативной базы, научных исследований и практического опыта. Данное исследование направлено на выявление ключевых аспектов и проблем правового регулирования, а также на формулирование рекомендаций по оптимизации деятельности органов досудебного расследования в электронном формате.

1. Анализ нормативной базы и научных изысканий ученых позволил сформулировать понятие деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, как урегулированную нормативными правовыми актами, упорядоченную деятельность специально уполномоченных субъектов, ведущих современное досудебное расследование, основывающуюся на письменном документообороте, напрямую зависящую от качества функционирования соответствующих информационно-коммуникационных систем (Единый реестр досудебных расследований, модуль «Электронное уголовное дело») и реализуемую посредством обеспечения порядка создания, изменения, обработки и хранения материалов досудебного производства в электронном формате.

2. Анализ, осуществленный в рамках исследования, позволил прийти к выводу: электронный формат, применяемый в деятельности по досудебному расследованию МВД Республики Казахстан, является разновидностью научно-технических средств. Однако деятельность по досудебному расследованию в электронном формате не должна менять сложившуюся систему использования технических средств, приводить к абсолютизации технической составляющей в ущерб традиционным формам и основным целям уголовного судопроизводства. Учитывая сопоставимость предполагаемой пользы и прогнозируемых рисков от реализации электронного формата досудебного расследования, следует отказаться от чрезмерного форсирования соответствующей практики в деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан.

3. Установлено, что современная правовая основа деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, представляет собой коллизионный пробел между правовыми актами с большей юридической силой и подзаконными правовыми актами (Инструкцией Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате). Так, анализ норм УПК РК выявил практически полную индифферентность его

предписаний в контексте введенного электронного формата деятельности по досудебному расследованию, поскольку значительная часть его норм рассчитана на применение исключительно в рамках досудебной деятельности в бумажном формате.

4. Проведенное исследование показало, что в сегодняшнем правовом обеспечении деятельность органов досудебного расследования в электронном формате содержит богатый оптимизационный потенциал с точки зрения сокращения сроков ее осуществления за счет наличия целого ряда стандартизированных функций в рамках модуля «Электронное уголовное дело» (шаблоны документов, автоматическое формирование сопроводительной документации, система SMS-оповещений и т.д.), а также значительного ускорения информационного обмена между субъектами и участниками досудебного расследования.

5. Проведенный в ходе исследования анализ зарубежного опыта деятельности по досудебному расследованию в электронном формате свидетельствует о том, что ей предшествовала предварительная разработка и апробация информационных систем для обмена информацией между правоохранительными органами и судами (что характерно и для Республики Казахстан). Для большинства зарубежных стран вопросы легитимности технических средств, а также полученные с их помощью результаты не требуют жестких процедур верификации в отличие от законодательства Республики Казахстан и иных стран постсоветского пространства. Основным критерием является доступность и качество соответствующих ресурсов, а также равные возможности участников, обеспечивающиеся за счет элементов стандартизации, что существенно облегчает практику их внедрения. Для зарубежной практики характерны элементы текущего мониторинга (опросов сотрудников), прогнозирования тех или иных побочных эффектов, что может быть использовано в качестве положительного опыта и в Республике Казахстан.

Положительный опыт, проанализированный в ходе исследования деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, может послужить основой для формирования организационно-правового механизма деятельности органов предварительного следствия МВД России посредством внедрения отдельных элементов электронного производства, направленных на оптимизацию правоохранительных органов.

6. В целях дальнейшего формирования правового механизма деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, мы считаем необходимым:

– привести положения Инструкции Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате в соответствие с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 «Об утверждении правил документирования,

управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях». В частности, должны быть разработаны правила, связанные с обязанностями должностных лиц органов досудебного расследования: хранить в тайне содержание закрытых (секретных) ключей средств электронно-цифровой подписи; обеспечивать сохранность носителей электронно-цифровой подписи; осуществлять синхронизацию времени на компьютере с эталонным временем; не использовать на рабочих компьютерах программы, нарушающие функционирование средств электронно-цифровой подписи (в том числе и вирусы);

– провести четкую классификацию имеющихся типов документов:

1) традиционный бумажный документ, изначально созданный в бумажном варианте;

2) бумажный документ, являющийся копией электронного документа;

3) электронный документ, отражающий информацию в цифровой форме и служащий копией оригинала бумажного варианта (заверяется электронно-цифровой подписью);

4) оригинал электронного документа, изначально созданный в электронном формате с использованием закрытого ключа электронно-цифровой подписи;

– выработать варианты усиленной квалифицированной электронно-цифровой подписи, которая не только позволяла бы идентифицировать ее автора, но и свидетельствовала о том, что в документ не вносились изменения;

– снять ограничения, связанные с невозможностью совмещения бумажного и электронного форматов.

7. Проведенный анализ функционирования органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате, показал, что данная деятельность требует сбалансированного научно-методического обеспечения, которое должно быть направлено на стабилизацию соответствующей практики. В условиях сегодняшнего дня наиболее востребованы меры, направленные на: устранение технических проблем работы в модуле «Электронное уголовное дело»; обеспечение сотрудников на регулярной основе методическими рекомендациями (инструкциями, алгоритмами и т.д.), содержащими обобщения имеющейся практики; обеспечение сотрудников возможностью получения консультаций в режиме реального времени по возникающим вопросам. Необходимо создание специализированного call-центра для методической помощи сотрудникам органов досудебного расследования по работе в модуле «Электронное уголовное дело».

Настоящее исследование выявило значительный потенциал электронного формата досудебного расследования для оптимизации деятельности органов МВД Республики Казахстан. Однако успешная реализация данного потенциала требует комплексного подхода к правовому регулированию, совершенствования нормативной базы и научно-методического обеспечения.

Список использованных источников

1. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года : указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858 // Казахстанская правда. 2009. 27 августа.
2. Государственная программа «Цифровой Казахстан» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827/info>.
3. Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых Указов Президента Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636 // Казахстанская правда. 2018. 20 февраля.
4. О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности : закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 22 декабря.
5. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2018.
6. Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований [Электронный ресурс] : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>.
7. Основные показатели органов уголовного преследования: аналитический обзор [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Информационный сервис. URL: <https://www.qamqor.gov.kz/>.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 03.09.2022) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.
9. Макаренко М.А., Миргородская Э.Р. Модуль «Электронное уголовное дела» как формат электронного документооборота : проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство России : проблемы и перспективы развития : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 208–212.
10. Шульгин Е.П. Электронный формат расследования в деятельности правоохранительных органов : состояние, перспективы // Стратегическое развитие системы МВД России : состояние, тенденции, перспективы : сб. стат. Междунар. научно-практ. конф. М. : Академия управления МВД России. 2019. С. 264–267.

11. Познанский Ю.Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования преступлений в разумные сроки // Труды управления Академии МВД России. 2015. № 1 (33). С. 41–44.
12. Арыстанбеков М.А. Использование криминалистических технологий в рамках электронного уголовного дела // Актуальные проблемы современности. 2019. № 1 (23). С. 1–12.
13. Кукарникова Т.Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 28 с.
14. Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 28 с.
15. Шелепина Е.А. Правовые аспекты электронного документооборота : автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-І (ред. от 03.09.2022) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. 13 декабря.
17. Востриков И.Ю. Электронный документ как доказательство в гражданском процессе // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России : сб. матер. Междунар. научно-практ. конф. Саратов : Научная книга, 2007. С. 374–380.
18. Уголовное судопроизводство: теория и практика : научно-практическое пособие / под ред. Н. А. Колоколова. М. : Юрайт, 2011. 1038 с.
19. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества / под ред. О.А. Зайцева. М. : Юрлитинформ, 2015. 352 с.
20. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : закон Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-ІІ // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 1–2, ст. 1.
21. Об утверждении Правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях : постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 // Собрание актов Правительства Республики Казахстан. 2018. № 61, ст. 345.
22. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1 (38). С. 39.
23. Ищенко П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica (Русский закон). 2019. № 12 (157). С. 68–79.
24. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.
25. Григорьев А.В., Григоренко М.А., Печерица Е.В. Современные направления развития информационных технологий в судопроизводстве // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 1 (29). С. 118–124.

26. Эриашвили Н.Д., Бутбая Г.М. О цифровизации деятельности государственных судебных органов в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 189–191.

27. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15.

28. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 23.06.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31, ст. 448.

29. Об электронной подписи : федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. 23.06.2020) // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

30. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 2, ст. 2901.

31. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года) [Электронный ресурс] : приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/>.

32. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

33. Цифровая экономика Российской Федерации : программа, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <https://government.ru/docs/all/112831/>.

34. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: <https://sudact.ru/law/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaia-programma-tsifrovaia-ekonomika>.

35. Можяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 52–53.

36. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности : учеб. пособие. М. : Проспект, 2006. С. 143.

37. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М. : Юрлитинформ, 2001. 352 с.

38. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russia. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

39. Можаяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. – 54 с.
40. Можаяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 352 с.
41. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.
42. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений следствия, дознания и военно-следственных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан [Электронный ресурс] : приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 16 марта 2015 г. № 220 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010761>.
43. Гришин Д.А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 208–215.
44. Тишковец Е.И. Следователь как субъект уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 162.
45. Ткачева Н.В. Процессуальный статус и процессуальная самостоятельность следствия // Вестник ЮУрГУ. Серия : Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 19–22.
46. Марфицин П.Г. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 5–1. С. 242–245
47. Можаяева И.П. Система мер по оптимизации деятельности органов предварительного следствия // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 401–406.
48. Можаяева И.П. Научно обоснованная система процессуальных, управленческих и криминалистических мер по повышению эффективности организационного обеспечения деятельности органов расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 78–83.
49. Бецуков А.З. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль за предварительным расследованием // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 103. С. 908–922.
50. Тузова Е.В. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя в свете соотношения процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 226–232.
51. Захарова В.О. Использование инструментов делегирования в следственной деятельности (на примере развития института следственных

поручений) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1. С. 177–179.

52. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 87

53. Игнатова О.Н. Пределы поручения следователя: гарантии соблюдения принципов уголовного судопроизводства или архаизм? // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 3. С. 24–29.

54. Каган М.С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М. : Политиздат, 1974. С. 120–121.

55. Можаяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 52–53.

56. Бугель Н.В. Организационно-правовой механизм управления органами внутренних дел: системно-правовой и методологический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 360 с.

57. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 250 с.

58. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация : учебник. М. : Юридическая литература, 1990. 224 с.

59. Можаяева И.П. Структура научной организации деятельности следователя // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). С. 37–39.

60. Старостенко И.Н., Шарпан М.В. Организации электронного документооборота в органах внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2 (20). С. 60–61.

61. Абрамкин А.М., Затылкин Н.Р. Научная организация труда следователя: понятие, задачи и структура // Образование. Бизнес. Наука. Культура : сб. матер. II Междунар. научно-практ. конф. Димитровград, 2019. С. 120–123.

62. Можаяева И.П., Захватов И.Ю. Современное состояние и перспективы оптимизации документооборота в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 48–55.

63. Солохьянц О.К. О психологических особенностях восприятия электронного документа // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 32 (65). С. 89–90.

64. Григорьев О.Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 28 с.

65. Синельников А. Защита от утечки информации // Финансовая газета. 2011. 23 июня.

66. Пахомов О.А. О проблеме стандартизации уголовно-процессуального законодательства // Общество и право. 2005. № 1 (7). С. 177–180.

67. Шульгин Е.П. О динамике развития электронного досудебного расследования в Республике Казахстан // Актуальные вопросы современной науки : матер. Междунар. научно-практ. конф., посв. 50-летию Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова. Караганда : Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова. 2019. С. 93–95.

68. Ландау И.Л. Некоторые аспекты использования научно-технических средств в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1 (5). С. 77–81.

69. Полубоярова М.В., Попова Т.Г., Степанов С.А. Словообразование в терминологии // Политическая лингвистика. 2020. № 1 (79). С. 62–67.

70. Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6 (18). С. 18–19.

71. Зуев С.В. Информационное обеспечение уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 199 с.

72. Усманов Р.А. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел: криминалистическая регистрация : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 213 с.

73. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.

74. Яковенко И.Н. Современное состояние и перспективы использования информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 228 с.

75. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 454 с.

76. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 273 с.

77. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 216 с.

78. Соколов Ю.Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности : монография. Екатеринбург : Оптима Проф, 2006. 164 с.

79. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 561 с.

80. Казначей И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования) : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 256 с.

81. Дусева Н.Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 190 с.

82. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 322 с.

83. Захарова С.В. Понятие и свойства уголовно-процессуальной формы // Вестник Карагандинского университета. Серия : Право. 2012. № 2 (66). С. 63–68.

84. Захватов И.Ю. Сочетание отраслевого и территориального управления органами внутренних дел (теоретические и методологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 281 с.

85. Можаяева И.П. Организационные основы криминалистической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 220 с.

86. Кусаинов Д.О. Взаимодействие ветвей власти в процессе обеспечения прав и свобод граждан в Республике Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2005. 122 с.

87. Петрова О.В. Организационно-правовой механизм взаимодействия МВД, ГУВД, УВД по субъекту Российской Федерации и региональных органов государственной власти в сфере правоохраны : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 268 с.

88. Потапова С.А. Организация взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами по противодействию экономической преступности: по материалам Дальневосточного федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 322 с.

89. Киричѣк Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 537 с.

90. Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф. Формы и методы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 20–25.

91. Пушкарев В.В. Реализация уголовного преследования в условиях цифровой экономики: легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с помощью стэйблкоинов // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 1 (114). С. 287–289.

92. Григорьев О.Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 28 с.

93. Абдулвалиев А.Ф. Опять про электронное уголовное дело // Право и политика. 2013. № 1. С. 16.

94. Качалова О.В. Современное российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 95–98.

95. Колосович М.С., Колосович О.С. Электронная форма заявления как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3 (18). С. 124–129.

96. Григорьев В.Н. О регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 87–92.

97. Жакишев А.Ж. Методы расследования преступлений: понятие и сущность // Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан : сб. матер. Междунар. научно-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры досудебного расследования преступлений, проводимой в рамках реализации 7-й задачи Послания Президента Республики Казахстан от 10 января 2018 года. Караганда : Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, 2018. С. 139–141.

98. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 9–18.

99. Пастухов П.С. О необходимости замены в уголовном судопроизводстве письменного протокола электронным документом // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3 (58). С. 21–23.

100. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 120.

101. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95–101.

102. Бутенко О.С., Бутенко В.С. Пути развития системы «электронный паспорт уголовного дела» и возможности ее использования в учебном процессе // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. С. 165–172.

103. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.

104. Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технология в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 108–112.

105. Халлиулина Л.Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 75–79.

106. Тульская О.В. Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве //

Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 6 (14). С.74–79.

107. Гарифуллина А.Х., Сухарева О.С. Электронный протокол как новый вид доказательства и новый элемент удостоверительного аспекта уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 3 (9). С. 113.

108. Казначей И.В. Уголовно-процессуальные аспекты применения электронных документов и бланков процессуальных документов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 77–81.

109. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8 (60). С. 100–111.

110. Шульгин Е.П. Оптимизация деятельности правоохранительных органов посредством внедрения электронного досудебного расследования // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : матер. III Всерос. молод. науч.-практ. конф. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2019. С. 576–577.

111. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : закон Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-III // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 1–2, ст. 1.

112. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 150–164.

113. Григорьев А.Н. Теоретические основы информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 190 с.

114. Конституция Республики Казахстан : принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме // Ведомости Парламента РК. 1996. № 4, ст. 217; 1998. № 20, ст. 245; 2007. № 10, ст. 68; 2011. № 3, ст. 29; 2017. № 5, ст. 9; 2019. № 5–6, ст. 28.

115. Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство : реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 517 с.

116. Всеобщая Декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/.

117. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят в г. Нью-Йорк резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/.

118. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/.

119. Шульгин Е.П. Организационно-правовой механизм деятельности органов досудебного расследования Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 171–172.

120. Об утверждении правил использования системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 22 декабря 2015 г. № 151 // Казахстанская правда. 2016. 21 июля.

121. Мирманов А.Б. Информационные системы в работе правоохранительных органов Республики Казахстан // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4 (17). С. 66.

122. О Федеральной целевой программе «Электронная Россия» (2002–2010 годы) [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 // URL: <http://www.consultant.ru>.

123. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2015 г. № 67-П // URL: <http://www.consultant.ru>.

124. Концепция информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

125. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Особенности формирования интегрированного правового фундамента электронного судопроизводства по преступлениям в сфере экономики // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1 (18). С. 149–158.

126. Цифровая экономика Российской Федерации : программа: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <https://government.ru/docs/all/112831/>.

127. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 2, ст. 2901.

128. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года) [Электронный ресурс] : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/>.

129. О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности : закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 22 декабря.

130. О правовых актах : закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V // Казахстанская правда. 2016. 8 апреля.

131. Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований [Электронный ресурс] : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>.

132. Сиверская Л.А. Регистрация сообщения о преступлении: новеллы нормативно-правового регулирования // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 3. С. 349–350.

133. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 02.01.2021) // Казахстанская правда. 2014. 9 июля.

134. Артемова В.В. Правовое регулирование порядка приема сообщений о преступлениях в органах внутренних дел // Научный портал МВД России. 2017. № 1 (37). С. 12–17.

135. Оренбуркина Е.В. Виды нарушений законности при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 152.

136. Ларинков А.А., Шиплюк В.А. Уголовно-процессуальная проверка в стадии возбуждения уголовного дела : учебное пособие. СПб., 2015. 160 с.

137. Гаджиев Я.А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 289 с.

138. Кожокаръ В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 301 с.

139. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

140. Перевалов В.Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров. 3-е изд. испр. и доп. М. : Юрайт, 2015. 428 с.

141. Малышева В.В. Уголовно-процессуальные правовые нормы: понятие, классификация, особенности применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

142. Шушанова Т.В. Применение уголовно-процессуальных норм: концептуальные основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.

143. Румянцева Ю.Е. Официальное толкование норм уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.

144. Шульгин Е.П. Электронный формат досудебного расследования в деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан : проблемные аспекты правовой регламентации // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 108–116.

145. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии : проблемы совместимости // Lex Russia (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 95.

146. Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы в отношении электронных доказательств в гражданском и административном производстве [Электронный ресурс] : приняты Комитетом министров 30 января 2019 г. на 1335-м заседании заместителей министров // URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/committeeof-ministers-adopts-guidelines-on-electronic-evidence-in-civil-and-administrative-proceedin-1>.

147. Матвеев А.В. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

148. Смирнова И.С. Объективные и субъективные факторы формирования понятия «сложное уголовное дело» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С. 11–14.

149. Азаров В.А., Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции : монография. Омск : Омский государственный университет, 2013. 200 с.

150. Урбан В.В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 195 с.

151. Гаврилов Б.Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 9–15

152. Кушнерев В.И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 224 с.

153. Малофеев И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.

154. Сардарян Н.Т. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 19 с.

155. Дадонов С.В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.

156. Ахметжанов М.М. Поправки по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Департамента государственных доходов Республики Казахстан. URL: <http://zhmb.kgd.gov.kz/ru/news/popravki-po-voprosam-modernizacii-processualnyh-osnov-pravo-ohranitelnoy-deyatelnosti-9-21495>.

157. Выступление председателя комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (г. Астана, 3 января 2018 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://pravstat.prokuror.gov.kz/rus>.

158. Биржанов К.К. Оптимизация уголовного процесса в Республике Казахстан // Совершенствование уголовно-процессуальных и

криминалистических мер противодействия преступности : сб. матер. Всерос. научно-практ. конф. Омск : Омская академия МВД России, 2019. С. 25–28.

159. Сергеев С.А., Балко В.И. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации досудебного расследования преступлений // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : сб. матер. Междунар. научно-практ. конф. Минск : Белорусский государственный университет, 2019. С. 129–132.

160. Нургалиев Б.М., Кусаинова А.К., Абақасов М.С., Кузнецов О.Г., Лакбаев К.С. Новое законодательство в борьбе с преступностью в Республике Казахстан. Караганда : Болашак-Баспа, 2019. 213 с.

161. Пакирдинов М.А. Цифровизация правовой системы – шаг в будущее // Юридическая газета. 2017. 22 дек.

162. Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Информационные технологии: неизбежный путь дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 39.

163. Кулинич М.Н., Комахидзе М.Г., Лукьянова А.С. Риски внедрения электронного документооборота и способы их преодоления // Вестник Донского государственного технического университета. 2014. Т. 14. № 4 (79). С. 227–228.

164. Можяева И.П. Современные цифровые технологии оптимизации документооборота в деятельности ОВД // Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. М. : Академия управления МВД России. 2020. С. 161–164.

165. Лямин Л.В. Проблемы управления рисками, связанными с электронным банкингом // Банковское дело. 2010. № 10. С. 75.

166. Беляева И.М., Кусаинова А.К., Нургалиев Б.М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2018. Т. 18. № 2. С. 8.

167. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 27.

168. Клементьев А.С. Телекоммуникационное обеспечение уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 74; Шульгин Е.П. К вопросу о деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 35.

169. Кожамкулов М.М. Цифровизация: прозрачно и эффективно [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/stati/cifrovizaciya-prozrachno-i-effektivno>.

170. Соколов Ю.Н. Технологичность – свойство уголовного судопроизводства // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. № 1. С.130.

171. Об утверждении Правил технического применения средств видеоконференцсвязи [Электронный ресурс] : приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарат Верховного Суда Республики Казахстан) от 7 июня 2018 г. № 17124 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017124>.

172. Правила технического применения средств аудио-, видеозаписи, обеспечивающих ход ведения судебного заседания, хранения и уничтожения аудио-, видеозаписи, доступа к аудио-, видеозаписи [Электронный ресурс] : приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарат Верховного Суда Республики Казахстан) от 24 ноября 2015 г. № 6001-15-7-6/486 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012457>.

173. Щербаков С.В. Доказательства в уголовном судопроизводстве США // Российский судья. 2010. № 4. С. 29.

174. Уголовно-процессуальное право : учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 637.

175. Violent Crime Control and Law Enforcement Act, Pub. L. 1994 [Электронный ресурс] // URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/hplp16&div=10&id=&page=>.

176. Большчев В.Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 104.

177. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 390.

178. Abdulaziz M.K., Drake W.E. Building the «Paperless» Court // Proceedings of the Court Technology Conference 8. Kansas City, 2003 [Электронный ресурс] // URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED48451552>.

179. Griffin M., Titus R. Total Information Integration - the Nevada Experience // Proceedings of the National Court Technology Conference 9. Kansas City, 2003. P. 33.

180. Otte R.L. Strategic plan for alaska's criminal justice information system intgration. Retrieved March 9, 2006 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dps.state.ak.us/cjiab/documents/documents/Version1.1.pdf>.

181. Клементьев А.С. Практика использования телекоммуникационных технологий в уголовном процессе зарубежных стран : учебное пособие / под ред. С.В. Бажанова. Владимир : Владимирский юридический институт, 2007. С. 28.

182. Electronic Filing Study: report to Supreme Court of Canada and Federal Court of Canada. Ottawa: Compas Inc., 2002 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scc-csc.gc.ca>.

183. PACER Coming Into Its Own at 20 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.resourceshelf.com/2008/12/20/pacer-coming-into-its-own-at-20/>.

184. Шульгин Е.П. Организация деятельности органов, осуществляющих производство в электронном формате (опыт зарубежных стран) // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 189.
185. Административное управление судов США [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uscit.gov/cmecf/PDF/cmecf.pdf>.
186. Simulated Legal Process, Texas Penal Code §32.48 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.semanticscholar.org/>.
187. Kujanen K. E-Services in the Finnish Courts. Proceedings of the Court Technology Conference 8. Kansas City, 2003 [Электронный ресурс] // URL: <https://rechtsinformatik.ch/wp-content/uploads/2004/06/kujanen.pdf>.
188. Duizend R.V. Guidelines for State Trial Courts Regarding Discovery of Electronically-Stored Information // Materials of Conference of Chief Justices. Washington D.C., 2006 [Электронный ресурс] // URL: <https://ncsc.contentdm.oclc.org/digital/collection/civil/id/56/>.
189. Иванов Д.А. Информационные ресурсы как средство получения следователем информации об имуществе, на которое может быть наложен арест в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 87.
190. The act on E-service in the courts in Lainsaadanto. Statens Forfattningsdata. 2005. № 12 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/>.
191. The act on electronic signatures in Lainsäädäntö. Statens Författningsdata., 2004. № 1 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/>.
192. Новые электронные услуги в английском правосудии [Электронный ресурс] // URL: <http://egg.elrussia.ru/index.php/26/07/06/>.
193. e-Government in Spain. December 2018 [Электронный ресурс] // URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/eGovernment_in_Spain_December_2018_v2.00.pdf.
194. Computerised Legal Information in Norway: Report submitted by the Delegation of Norway // Materials on 13th Colloquy on legal data processing in Europe (CJ-IJ Coll), 1517 April. Vienna, 1998. P. 89.
195. Bell Gordon and Gray N. Gray, The Revolution Yet To Happen, Beyond Calculation: The Next Fifty Years Of Computing (1997), Springer-Verlag New York, Inc. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.resourceshelf.com/2008/12/20/pacer-coming-into-its-own-at-20/>.
196. Toelichting bij het wetsvoorstel tot introductie van nieuwe telecommunicatiemiddelen in de gerechtelijke en de buitengerechtelijke procedure, Parl.St., 1999-2000, nr. 38/1. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/320054975_bDe_elektronische_procesvoeringb.
197. D. Scheers en P. Thiriar De moeilikewegnaarenelektronisch dossier. Nieuweprocedureregelsvanaf 1 januari 2013, RW nr. 31, 2012–2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.resourceshelf.com/2008/12/20/pacer-coming-into-its-own-at-20/>.

198. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=1257;-13.

199. Садыков Т.У. Принципы и формы «электронного правительства»: зарубежный опыт на примере Республики Казахстан // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. С. 414–416.

200. Адамович О.А. Перспективы внедрения в уголовный процесс элементов электронного уголовного дела // I Минские криминалистические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (г. Минск, 20 дек. 2018 г.). Минск : Академия МВД, 2018. С. 3–9

201. Кангезов М.Р. Электронное уголовное дело на предварительном следствии в условиях развития цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 218–220

202. Арыстанбеков М.А. Использование криминалистических технологий в рамках электронного уголовного дела // Актуальные проблемы современности. 2019. № 1 (23). С. 1–12

203. Добровлянина О.В. Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство // Ex jure. 2019. № 2. С. 104–117.

204. Рыжаков А.П. Допрос свидетеля (потерпевшего) с помощью систем видеоконференцсвязи: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=2047>.

205. Желтухин Е.А. Видеоконференцсвязь: требование времени или повод для злоупотреблений? // Судебно-юридическая газета. 2012. 20 авг. [Электронный ресурс] // URL: <https://sud.ua/ru/news/publication/41817-videokonferentssvyaz>.

206. Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. 45 с.

207. Стуков Н.С. Проблемы применения видеоконференцсвязи в досудебном производстве [Электронный ресурс] // URL: https://bstudy.net/622565/pravo/problemy_primeneniya_videokonferentssvyazi_dosudebnom_proizvodstve.

208. Clifford S. Fishman Recordings, transcripts, and translations as evidence [Электронный ресурс]. // URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol81/iss3/2/>.

209. Solomon, Inc. v. Edgar 88 S.E.2d 167 (Ga.Ct. App. 1955) Court of Appeals of Georgia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1334884/solomon-inc-v-edgar/>.

210. Храмцовская Н.А. Триумф цифровых документов: суд рассмотрит все [Электронный ресурс] // URL: http://www.cnews.ru/cgi-bin/oranews/get_news.cgi?tmpl=top_print&news_id=243188.

211. Будылин С.Л. Электронное сообщение как документ и доказательство // Закон. 2014. № 10. С. 48.

212. Шульгин Е.П. Отдельные аспекты правовой регламентации деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате // Парадигма современной науки глазами молодых : сб. матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф., посв. пам. основ. фил. Т.Ж. Атжанова и А.М. Роднова, 25-летию Конст. и Ассамб. нар. Каз. (Костанай, 12 апреля 2020 г.). Костанай : «ЧелГУ» Костанайский филиал. 2020. Ч. 1 С. 219.
213. Пономарев М.В. Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 110.
214. Селюков А.Д. Финансово-правовые механизмы государственного управления // Финансовое право. 2010. № 7. С. 5.
215. Долгополов А.А. Теоретические основы административно-правовых режимов в сфере оборота оружия и взрывчатых веществ // Российский следователь. 2005. № 8. С. 50.
216. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М. : Юриспруденция, 2009. С. 43.
217. Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 10.
218. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 146.
219. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Высшая школа, 1987. С. 226.
220. Кутюхин И.В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 8.
221. Шумилин С.В. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 15.
222. Шульгин Е.П. Организационно-правовой механизм деятельности органов досудебного расследования Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 170.
223. Фаткулин С.Т. Проблемы применения электронных документов в уголовном и арбитражном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 41.
224. Тульская О.В. Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 6 (14). С. 76.
225. Кукарникова Т.Э. Особенности электронного документа как источника доказательств // Воронежские криминалистические чтения. 2003. № 4. С. 205–206.
226. Соколов Ю.Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 32.

227. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : закон Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-II // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 1–2, ст. 1.

228. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информатизации : закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 419-V ЗРК // Казахстанская правда. 2015. 26 ноября.

229. Об информатизации: закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V // Казахстанская правда. 2015. 26 ноября.

230. Государственная программа «Цифровой Казахстан» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827/info>.

231. Об утверждении Правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях : постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 // Собрание актов Правительства Республики Казахстан. 2018. № 61, ст. 345.

232. О правовых актах : закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V // Казахстанская правда. 2016. 8 апреля.

233. Тимошин П.А. Перспективы развития и использования систем электронной цифровой подписи // Прикладная информатика. 2007. № 2 (8). С. 13.

234. Хачатурова С.С. Электронная цифровая подпись – удостоверение подлинности документа // Наука, техника, образование. 2016. № 9 (27). С. 61.

235. Черкасов Д.Ю., Иванов В.В. Защита документов при помощи электронной цифровой подписи // Economics. 2016. № 6 (15). С. 52.

236. Чернова А.Я. Анализ системы формирования и проверки электронной подписи // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 3 (19). С. 109.

237. Об электронной подписи : федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. 23.06.2020) // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036.

238. Киселев А.В. Разработка комплексной системы защиты электронного документооборота предприятия : дис. ... канд. техн. наук. М., 2006. 169 с.

239. Квашнин В.И. Правовые аспекты использования электронной цифровой подписи в договорных отношениях с участием предпринимателей : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 250 с.

240. Аникевич Е.А. Метод формирования электронной цифровой подписи на основе открытого коллективного ключа для электронного документооборота предприятия : дис. ... канд. техн. наук. СПб., 2010. 151 с.

241. Аристархов И.В. Планирование смены сертификатов открытых ключей электронной цифровой подписи в общедоступных системах подтверждения подлинности электронного документооборота : автореф. дис. ... канд. техн. наук. СПб., 2011. 16 с.

242. Щеголева С.В. Законодательное регулирование использования цифровых подписей в странах с развитой рыночной экономикой: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

243. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (ред. от 03.09.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 18-II, ст. 92.

244. Об электронной цифровой подписи : модельный закон [Электронный ресурс] : принят постановлением № 16-10 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 9 декабря 2000 г. // URL: <https://www.internet-law.ru/intlaw/laws/cis-esp.htm>.

245. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информации и коммуникаций : закон Республики Казахстан от 28 декабря 2017 г. № 128-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 29 декабря.

246. Халиков Р.О. Правовой режим электронного документа: Вопросы использования электронной цифровой подписи: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 10.

247. Шаститко А.Е., Шпакова А.А. Регулирование электронного трансграничного документооборота в Евразийском экономическом союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 242–269.

248. Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 67.

249. Ахпанов А.Н., Казиев З.Г. О некоторых ключевых аспектах использования понятия «разумный срок» в казахстанском уголовном процессе // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 3 (48). С. 69.

250. Маркелов А.Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 472.

251. Григорьева Н.В. Современный подход к определению процессуального документа в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 103.

252. Процессуальные акты адвоката в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / авт. сост. Н.Г. Муратова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 28

253. Шостак М.А. Уголовный процесс. Общая часть: ответы на экзаменационные вопросы. Минск : ТетраСистемс, 2012. С. 194.

254. Томин В.Т., Якупов Р.Х., Дунин В.А. Процессуальные документы, сроки и судебные издержки в уголовном судопроизводстве : лекция. Омск, 1973. С. 28.

255. Николаева Н.М. Письменность предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 8.

256. Пальчикова Н.В. Новая форма процессуальных документов как следствие информатизации суда // Информационное право. 2009. № 3. С. 12.

257. Филенко Е.Н. Развитие понятия «документ» с внедрением новых информационных технологий // Делопроизводство. 2006. № 2. С. 60. С. 59–66.
258. Кальницкий В.В. Процессуальные документы, сроки, издержки // Законодательство и практика. 2013. № 2 (31). С. 85.
259. Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых Указов Президента Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636 // Казахстанская правда. 2018. 20 февраля.
260. Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (60). С. 92–93.
261. Искакова Б.Е. Сервисная модель полиции: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // URL: <http://mediaovd.kz/%20ru/?p=23496>.
262. Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни : послание Президента Республики Казахстан от 5 октября 2018 г. // Казахстанская правда. 2018. 6 октября.
263. Об утверждении Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2018 г. № 897 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000897/>.
264. Громов И.А. Влияние цифровых решений в области государственных и муниципальных услуг на восприятие коррупции // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 6 (120). С. 174.
265. Алиуллов Р.Р. Механизм управления органами внутренних дел (вопросы теории, методологии и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 112.
266. Алиуллов Р.Р., Саегараев В.Ф. Сущность и основные принципы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач // Вестник Казанского юридического института. 2015. № 2 (20). С. 70–75
267. Ульянов А.Д., Можяева И.П. Организация деятельности полиции : учебно-наглядное пособие: М. : Академия управления МВД России. 2019. 192 с.
268. Беляева И.М., Кусаинова А.К., Нурғалиев Б.М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 2. С. 8.
269. Е-уголовное дело [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://prokuror.gov.kz>.
270. Петкевич Т.В. Электронное уголовное дело в решении вопроса о соблюдении разумных сроков предварительного расследования // Крымский научный вестник. 2019. № 1 (22). С. 66.

271. Зайцев О.А., Григорьев В.Н., Медведева М.О. О перспективах реформирования уголовного процесса на базе внедрения информационных технологий // Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 28

272. Можаяева И.П. Научно обоснованная система процессуальных, управленческих и криминалистических мер по повышению эффективности организационного обеспечения деятельности органов расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 78–83.

273. Более 100 человек арестованы в Казахстане через Интернет [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nur.kz/1710391-bole-100-celovek-arrestovany-v-kazahstane-cerez-internet.html>.

274. Lord Woolf Access to justice: Final report. London, 1996 [Электронный ресурс] // URL: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20060213223540/http://www.dca.gov.uk/civil/final/contents.htm>.

275. Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 12.

276. Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 19.

277. Можаяева И.П. Внедрение начальником территориального органа МВД России научной организации деятельности следователей // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 107–110.

278. Кабжанов А.Т., Дулатбеков Н.О. Сервисная модель полиции в Казахстане // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : матер. семнадцатой Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.К. Бурякова. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. Ч. 2. С. 137.

279. Справка о результатах голосования по вопросу: (первое чтение) «О проекте Федерального закона № 764131-6 "О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференцсвязи)"» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://vote.duma.gov.ru>.

280. О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012. № 1406 // URL: <http://www.consultant.ru>.

281. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 110.

282. Мартынов А.Н., Кравец Е.Г., Шувалов Н.В. Организационно-тактический модуль дистанционных следственных действий // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 128.

283. Жамкова О.Е. Использование видеозаписи в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 95.

284. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 36.

285. Деришев Ю.В. Концепция досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск : Омская академия МВД России, 2004. С. 157–163.

286. Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101–108.

287. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78.

288. Гаврилов Б.Я. Современное уголовное судопроизводство России: теория и практика // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : сб. матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. Симферополь : Ариал, 2020. С.12–16.

289. Проект «Электронное уголовное дело» Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан : презентация [Электронный формат] // URL: <https://ppt-online.org/227491>.

290. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.

291. Янушко А.В., Бабанин А.В., Кузнецова О.А., Петрушенко С. В., Чекмарев М. Ю. Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела // Безопасность информационных технологий. 2011. Т. 18. № 1. С. 21–29.

292. Об утверждении Правил использования системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 22 декабря 2015 г. № 151 // Казахстанская правда. 2016. 21 июля.

293. Зуев С.В. Информационное обеспечение уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 114.

294. Испанов И. К высокому уровню информатизации [Электронный ресурс] // URL: http://dk.kz/show-doc_39377239.

295. Эриашвили Н.Д., Бутбая Г.М. О правовом регулировании цифровизации в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 10. С. 65.
296. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года : указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858 // Казахстанская правда. 2009. 27 августа.
297. О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 г. № 720 // Казахстанская правда. 2014. № 13 (27634).
298. Зуев С.В., Никитин Н.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 588.
299. Лопатин К.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 10.
300. Матвеев А.В. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.
301. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства внутренних дел Республики Казахстан от 26 июля 2017 г. № 505 // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2017.
302. Организация производства и управление предприятием : учебник / под ред. О.Г. Туровца. М. : ИНФРА-М., 2003. С. 358.
303. Можаяева И.П. Научная организация деятельности субъектов досудебного производства: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 27–28
304. Степущенко О.А. Научно-методическое обеспечение деятельности МВД по Республике Татарстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 136–139.
305. Манжукова О.А. Научно-методическое обеспечение деятельности МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: организационные и правовые основы (по материалам ГУВД по г. Москве) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.
306. Игошин Н.А. Научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки сотрудников полиции: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 163–169.
307. Болдырев У.К. К вопросу об организации научно-методического обеспечения правоохранительной деятельности полиции // Закон и право. 2017. № 2. С. 86–88.
308. Можаяева И.П. Совершенствование организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как перспективное направление научного обеспечения органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 4 (87). С. 221–228.

309. Жалинский А.Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста : учебник 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 64.

310. Масленникова Л.Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта №18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex Russia (Русский закон). 2020. № 1 (158). С. 70–87.

311. Мирманов А.Б. Информационные системы в работе правоохранительных и государственных органов Республики Казахстан // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4 (17). С. 66.

312. Фатьянов И.В. Правотворческий эксперимент в России как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 13.

313. Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России : проблемы эффективности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 7–8.

314. Гетманская Е.В. Эвристический метод: генезис и современное функционирование // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 266.

315. Иванова А.П. Методология правовых исследований // Реферативный журнал. Серия: Государство и право. 2018. № 4. С. 14.

316. Гольдштейн Б.С., Фрейнкман В.А. Call-центры и компьютерная телефония. СПб. : БХВ, 2002. С. 14.

317. Горева-Куртышева А.А. Экономическая сущность деятельности call-центров и специфика их работы при входящем и исходящем консультировании // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 2 (124). С. 122.

318. Попова К.В. Криминалистическое содержание профессиональной подготовки следователей органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 10.

319. Тузельбаев Е.О. Приоритетные направления совершенствования подготовки высококвалифицированных кадров ОВД Республики Казахстан // Интеллектуальная нация как основа правового Казахстана и повышения благосостояния граждан : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Актобе : Казахско-Русский Международный университет, 2013. С. 16–19.

320. Танаева З.Р. Кадровая политика и управление персоналом в органах внутренних дел : учеб. пособие. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. 103 с.

321. Федотов А.Ю. Системно-ситуативный подход в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 3–7.

322. Можяева И.П. Научная организация деятельности субъектов досудебного производства: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 117

323. Зникин В.К. Научные основы оперативно-розыскного раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11.

324. Ткачук Т.А. Научно-техническое обеспечение розыскной деятельности в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 9.

325. Куриленко Ю.А. Компьютерные технологии как средство повышения эффективности организации правоохранительной деятельности: применительно к деятельности ОВД по расследованию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 7.

326. Дяблова Ю.Л. Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

327. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровая формализация права // *International Journal of Open Information Technologies*. 2019. Т. 7. № 1. С. 41.

328. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. С. 7.

329. Короткина И.Б. Теория и практика обучения академическому письму в зарубежных и отечественных университетах : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2018. С. 7.

330. Слепова О.М. Формирование адаптационного поведения населения в условиях углубления информационно-цифрового неравенства : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Пенза, 2019. С. 8–9.

331. Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // *Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки*. 2017. № 36. С. 236.

332. Никитина О.Е. Информационная культура сотрудников полиции // *Наука и школа*. 2011. № 2. С. 27–28.

333. Козлов О.А., Ундозерова А.Н. Информационная культура личности в контексте развития современного информационного общества // *Человек и образование*. 2017. № 4 (53). С. 47.

334. Молоканова А.В. Профессионально-психологические качества следователя и их развитие в высшем образовательном учреждении МВД России : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. – 232 с.

335. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // *Аубакировские чтения : матер. Междунар. науч.-практ. конф.* Алматы : Алматинская Академия МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова, 2019. С. 8.

336. Правовая статистика [Электронный ресурс]: Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // URL: <http://pravstat.prokuror.gov.kz/rus>.

337. Кондратьев И.В. Модульное обучение – перспективное направление построения учебного процесса в вузах МВД Республики

Казахстан // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-2. С. 103–104.

338. Майдыков А.Ф. О некоторых проблемах совершенствования подготовки (обучения) управленческих кадров органов внутренних дел на этапе реформирования МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4 (28). С. 80–81.

339. Княжев В.Б., Майдыков А.Ф., Грищенко Л.Л. Командно-штабные учения как основа подготовки управленческих кадров органов внутренних дел Российской Федерации (теория, методика и практика). М., 2018. С. 76–77

340. Смирнова Н.Л. «Полигон» как комплексное средство оценки первоначальной подготовки милиционеров // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 2 (18). С. 21–22.

341. Лукашов Н.В. Повышение эффективности подготовки руководителей системы МВД России с использованием информационной модели базового органа внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3 (27). С. 81.

342. Княжев В.Б., Грищенко Л.Л. К вопросу о создании ситуационного центра в Академии управления МВД России в целях дальнейшего совершенствования уровня подготовки (обучения) руководящего состава органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 54–58.

343. Щукин В.И. Использование метода моделирования в преподавании криминалистики // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 4. С. 36.

344. Босомыкин А.Ф. Опережающее обучение как условие оптимизации профессионального обучения сотрудников полиции в ДПО МВД России // Вестник экономической безопасности. Серия : Педагогические науки. 2018. № 2. С. 276.

345. Старцев А.М. К вопросу о методах и средствах методики специальной подготовки в условиях полигонной базы в образовательных учреждениях МВД России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 363.

346. Кислухин В.А., Макаров А.Н. Международный и национальный аспекты подготовки полицейских в Нидерландах и Германии // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 176.

347. Об утверждении Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2018 г. № 897 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000897/>.

кандидат юридических наук **Е.П. Шульгин**

Сдано в набор 28.10.2022г. Подписано в печать 28.10.2022 г.
Усл. печ. л. 7,5. Уч. изд. л. 7,0. Формат 60×841/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 150 экз.
РПК Calibri, рекламно-производственная компания